

В.И. МИХАЙЛЕНКО

НЕПРЕОДОЛИМОЕ ПРОШЛОЕ: Россия и судьба коммунистической идеи в XX в.

*Рожденное от плоти есть плоть,
а рожденное от Духа есть дух.
Евангелие от Иоанна, 3:6*

В уходящем XX веке были предприняты две радикальные попытки изменить естественное течение истории - коммунистическая и фашистская. Обе они не были, по нашему мнению, спровоцированы «моральной болезнью» или неким случайным «выпадением из истории». Напротив, они были вызваны самим историческим процессом, имели глубокие корни в массовом сознании и массовую поддержку. Откуда они пришли и что они оставили после себя, в каких формах могут быть воспроизведены в массовом сознании и общественной жизни?

Недостатком многих исследований истории идей является абсолютизация одного единственного из признаков идеологий. Линейно выстроенные дифференциации жестко разводят идеологии, не оставляя места для исследования их генетического родства. По этому принципу выстраиваются известные классические оппозиции: «тоталитаризм – демократия», «коммунизм – демократия», «фашизм – коммунизм», «тоталитаризм – либерализм», «сакральный традиционализм – христианский европеизм» и др.

Политизация науки на Востоке и Западе в XX в. была скорее правилом, чем исключением. В конце 70-х гг., будучи стажером Римского университета, мне довелось быть свидетелем беспощадной критики, как справа, так и слева, работ Ренцо Де Феличе. Не стану скрывать, что и я был среди тех исследователей, кто присоединился к критике Р. Де Феличе за «размытость» критериев определения фашизма, попытки обнаружить «левый след» в фашистской идеологии. Последующие два десятилетия, проведенные в научном диалоге с Р. Де Феличе, позволили согласиться с ним в главном, в принципиальной важности отстаивания интеллектуальной автономии исследователя: «Если кто-то считает себя учеником учителя в строгом смысле этого слова, тот лишен интеллектуальной автономии»¹.

Массовизм как политический феномен XX века. Чтобы осмыслить такое явление как коммунизм, необходимо оперировать более крупными категориями времени и пространства, не замыкаясь хронологически в XX в. и в параметрах одной страны.

Уходящее столетие оставит о себе память в первую очередь невиданным прежде в истории беспощадным столкновением массовых идеологий. Начиная с Французской революции, когда массы впервые проявили себя как протагонисты

¹ De Felice R. Intervista sul fascismo. Roma; Bari, 1976. P.1.

истории, последующие два века прошли под знаком массовых движений. Дж. Моссе охарактеризовал этот процесс как «национализация масс»².

Нам представляется более точным определение российского историка Б.Р. Лопухова, который писал о феномене «массовизма». Поскольку выход масс на политическую сцену далеко не всегда сопровождался «национализацией».

В России обучение масс политике произошло так, как писал об этом Ф. Фюрэ, т.е. в ходе первой мировой войны. И именно в «патологической форме демократизации». «Народные массы вступили в политику через войну и вышли из этого ужасного испытания, заплатив за него таким огромным количеством жертв, которое было запрошено войной...»³ Здесь важно подчеркнуть, что по ряду причин массовизм в России приобрел социальную, а не национальную направленность. На первый взгляд, это позволило перескочить через целый исторический период становления «национальных государств» на огромном пространстве Российской империи и приступить к решению более «прогрессивных» задач социального переустройства. Однако, как показывает современная политическая ситуация на территориях бывшего Советского Союза, национальный вопрос оказался исторически отложенным, а не преодоленным.

Исторический опыт России и других государств в XX в. показывает, что попытки политиков и идеологов игнорировать массовые движения или манипулировать массами без учета того, что ученые называют *бессознательными структурами или социальными архетипами*, приводило к непредсказуемым последствиям. Под *социальным архетипом* мы понимаем личностный знаменатель общества, в котором проявляются зачастую на неосознанном, невербальном, нерелексируемом уровне традиции, ценности, психические и другие установки поколений. Согласно концепции К. Касьяновой ценностная структура личности погружена в ее архетипы, а те элементы, которыми личность соприкасается с окружающим миром – «типичные действия» – и составляют ее этнический характер, лежащий в основании характера индивидуального⁴.

Для архитектора советского государства В.И. Ленина и его последователей не существовало никакого общества, помимо государства, впрочем, и само государство отождествлялось с партией. Смоделировав теоретически социалистическое государство, и пытаясь через «приводные ремни» (партию, профсоюзы, воспитание масс) «подогнать» массы под эту модель, не учитывая характер и степень массового сопротивления этому процессу. Функцию скрепляющей вертикальной связи первоначально выполняли корпоративные организации (профсоюзы), которые исторически не справились с поставленными задачами и постепенно были оттеснены партией – «политическим авангардом», выстроенным по тому же корпоративному (производственному) принципу.

Исследование истории советского коммунизма – это прежде всего изучение процесса взаимодействия *советского государства* как физического воплощения теоретической коммунистической модели и объекта его воздей-

² Mosse G. La nazionalizzazione delle masse. Simbolismo politico e movimenti di massa in Germania (1812-1933). Bologna, 1975.

³ Furet F., G. Procacci. Controverso Novecento. Roma, 1995. P. 16.

⁴ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 32.

ствия – *массового* общества с его приобретенными и унаследованными архетипами поведения.

Одним из политических выражений массовизма в XX в. стал тоталитаризм. Когда Дж. Прокаччи говорит о том, что «тоталитаризм – это явление 30-х гг.», я бы к этому сделал важное дополнение, а именно – «тоталитаризм у власти»⁵, поскольку исторические корни тоталитаризма уходят глубоко в историю взаимоотношений индивидуального «Я» и человеческой общности.

По нашему мнению тоталитаристские тенденции присутствуют в истории человечества столь же естественно и органично, как демократические и деспотические.

В связи с этим представляется важным коснуться дискуссии между Дж. Прокаччи и Ф. Фюрэ, в которой первый высказался об историческом значении «травматического события» 1929 г. для европейского общества⁶. В развитие этого разговора хотелось бы обратить внимание на то, что реакцией на мировой экономический кризис стала активизация тоталитарных инноваций в повседневной жизни всех европейских демократических государств и США. Критика «конструктивистского рационализма», «социальной инженерии» в трудах Дж. Оруэлла и Ф.А. фон Хайека была реакцией современников на тоталитарные тенденции не только в фашистском и коммунистическом обществах.

Известно немало попыток определения тоталитаризма. По нашему мнению понятие «тоталитаризм» выстраивается по линии «индивидуальное Я» – массовизм. Отсюда, «тоталитаризм» есть поглощение индивидуального «Я» *массовизмом*. Уровень тоталитарности определяется уровнем организации и состояния этого поглощения.

Дифференциация тоталитарных режимов занимает особое место в современной науке. Р. Де Феличе считал итальянский тоталитаризм «усеченным», выделял «левый» и «правый» тоталитаризмы. При этом Р. Де Феличе обоснованно подчеркивал, что для Италии германский феномен «национализации масс» не может быть применим, это «два разных мира», «две традиции», «две разные истории»⁷. А. Дель Ноче выделял в итальянском фашизме «две души»: «миролюбивую традиционалистскую» и «разрушительную социалистическую»⁸.

При характеристике тоталитарных режимов считаем возможным использование противоположных определений «тоталитарная диктатура» и «тоталитарная демократия». Между этими полюсами возможно выстраивание широкой гаммы тоталитарных режимов.

В России (СССР) включение масс в активную политическую борьбу закончилось установлением тоталитаризма, отличавшегося от нацистского и фашистского не только степенью охвата общества и государства, но и содержанием. Конечно, между советским режимом (государством) и массами не было полного взаимопонимания, в этом случае также можно говорить об ограниченном консенсусе. Однако остается фактом, что после гражданской

⁵ Furet F., Procacci G. Controverso Novecento. Roma, 1995. P.20.

⁶ Ibidem.

⁷ De Felice R. Intervista sul fascismo. P.24.

⁸ Del Noce A. Il problema della definizione storica del fascismo // Storia e politica. 1976. N 1.

войны в семидесятилетней истории советского режима не было примеров масштабного сопротивления коммунистическому режиму.

О природе коммунистических идей и кризисе советского коммунизма. Коммунистическую идею мы рассматриваем как одну из исторических форм коллективистских идей, в которых на первый план выходит примат общественного перед личностным.

Ссылки на глубокие исторические корни коммунистических идей зачастую носят ритуальный характер, без серьезного исследования их содержания в домарксистский период. Отсюда своеобразная реализация марксистской теории в капиталистически слабо развитых странах рассматривается как процесс «деформации», «мутации», «искажения», «отхода» от марксизма и всерьез обсуждаются варианты возвращения к «истинному» научному марксизму.

Начнем с того, что на словах марксисты признают национальную специфику общественного развития. На деле сама по себе концепция «интернационализма» не оставляет места для национального своеобразия. В качестве доказательства обратимся к «Манифесту коммунистической партии»: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет».

Линейное представление о цивилизационном процессе проявляется у основоположников марксизма в уничижительной характеристике непролетарских «моделей социализма». В том же «Манифесте» христианский социализм сравнивается со «святой водой, которой поп кропит озлобление аристократа». Столь беспощадной оценке подвергаются и другие носители коммунистических идей: «реакционные мещане и мелкая буржуазия», «реакционные социалисты-утописты».

В «Манифесте» лишь пролетариат, представленный как исторически обреченный на однородность, недифференцированную монолитность, признается единственным носителем истинных социалистических и коммунистических идей. При этом полностью игнорируются историческое разнообразие коммунистических и социалистических идей и других их носителей.

Последователи Маркса и Энгельса еще более упростили предпосылки победы социалистической революции. И.В. Сталин в известной работе «Об основах ленинизма» (1924) пишет следующее:

«Раньше рассматривали пролетарскую революцию как результат исключительно внутреннего развития данной страны. Теперь эта точка зрения уже недостаточна...» Пролетарская революция произойдет не там, «где пролетариат составляет большинство, где больше культуры, где больше демократии», а в «наиболее слабом месте цепи империализма», «причем может оказаться, что страна, начавшая революцию, страна, прорвавшая фронт капитала, является менее развитой в капиталистическом отношении, чем другие, более развитые, страны, оставшиеся, однако в рамках капитализма»⁹.

Поскольку для Маркса и его последователей пролетариат любой страны является носителем тех же самых «революционных, прогрессивных» идей, то вопрос о национальном своеобразии послереволюционного развития

⁹ Сталин И. Вопросы ленинизма. С.18-19.

отпадал как бы сам собой, подпадая под логику «общих закономерностей общественного развития».

Как догоняющая страна, Россия обречена на неравномерный и даже конвульсивный процесс своей модернизации. Не придерживаясь телеологического взгляда на историю, вместе с тем полагаю, что русская трагедия XX в. связана с предшествующими особенностями исторического развития России. В русской философской литературе этот феномен достаточно полно исследован. К примеру, Николай Бердяев писал: «И я сознал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма. Это момент внутренней судьбы русского народа, экзистенциальная ее диалектика»¹⁰.

С постоянной неудовлетворенностью отсталой и догоняющей страны, имеющей колоссальные материальные и людские ресурсы, с населением, одурманенным мессианскими идеями и еще не научившимся по-буржуазному «жить для себя», Россия не могла не «купиться» на соблазнительные проекты исторического ускорения.

Обращение к проблеме национальной специфики революционных преобразований во второй половине 20-х гг., после VII конгресса Коминтерна, в конце 40-х гг. каждый раз вступало в непримиримое противоречие с основами марксизма-ленинизма и после тактического отступления завершалось насильственным приведением национального к интернациональным стандартам. Это и сталинские чистки национальных кадров коммунистических партий, репрессии в отношении «национальных моделей социализма» в ГДР, Венгрии, Китае, Албании, Чехословакии, идеологическая атака против «еврокоммунизма» Каррильо и Берлингуэра.

Тот же самый *стиль мышления* проявил М.С. Горбачев в период перестройки 80-х гг. В отличие от своих предшественников М.С. Горбачев признает «многовариантность социалистического развития даже в каждом отдельном обществе... Многовариантность обусловлена различными уровнями развития общественных производительных сил, своеобразием исторических, национальных, культурных традиций каждого народа»¹¹. Однако специфика послеоктябрьского 1917 г. развития России (СССР) рассматривается им не как проявление влияния этого исторического своеобразия, а как «бюрократические деформации социалистической идеи».

В краткий период своих попыток преобразования советского общества “сверху” М.С. Горбачев предложил две модели реформ. Первая была изложена в хорошо известной на Западе книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (1987). Изложенный в ней первоначальный смысл перестройки сводился к следующему: «социализм – это живое творчество масс», «включить человека во все процессы нашей жизни – сердцевина всего того, что мы делаем»¹². Другими словами, речь шла о поиске внеэкономических стимулов повышения продуктивности человека, или, по словам Горбачева, о том, как «динамизировать человеческий фактор», не меняя ничего в правовом статусе человека. Неслучайно, далее М.С. Горбачев

¹⁰ Бердяев Н. Самопознание. М., 1990. С.212.

¹¹ Правда. 1989. 26 ноября.

¹² Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С.24.

говорит об уже сложившейся «высокой степени социальной защищенности человека в нашем обществе». Нет никаких оснований сомневаться в искренности его слов, как и не надо доказывать, что истинное положение с правами человека совершенно не соответствовало европейской цивилизационной модели «примата личности» и «личностных свобод».

Выдвигая на первый план интересы «общества», «трудовых коллективов», М.С. Горбачев предлагал лишь активизировать по своей сути *корпоративную модель* взаимоотношений «человека – общества – государства».

Спустя два года М.С. Горбачев радикально изменил концепцию перестройки и предложил советскому обществу альтернативу, основанную на идеях западноевропейской социал-демократии, прежде всего, «примата человека как личности, а не как средства», «свободного развития каждого как условие развития всех»¹³.

Остается загадкой, осознавал ли сам М.С. Горбачев радикальность *смены идеологической парадигмы*. В любом случае на рубеже 1980 – 1990-х гг., проявив нерешительность в партийном строительстве, он утратил шанс, расколов КПСС, сохранить за собой поддержку определенно меньшей части партии, в основном интеллигенции, университетской, технической и свободных профессий. В начале 1990-х гг. – задолго до попытки переворота в августе 1991 г. – он был отвергнут не только собственной партией, но и большинством массового общества.

Сокрушительное поражение М.С. Горбачева в первом туре президентских выборов 1996 г., на которых он получил менее 1 % голосов, является тестом всему российскому обществу на предмет его «социал-демократизма». Об этом же свидетельствует крайне низкий процент голосов за единственную подлинно либеральную партию западного типа – Демократический выбор России Е. Гайдара.

Крах М.С. Горбачева как политика произошел не из-за предательства соратников или «коварства» Б.Н. Ельцина, а в связи с полным игнорированием специфики исторического развития России и природы советского (российского) общества.

В отличие от М.С. Горбачева Б.Н. Ельцину помогала оставаться у власти его потрясающая политическая интуиция, а отнюдь не рациональное понимание природы российского общества и государства.

Октябрьская революция: преемственность и разрыв. В 1990-х гг. состоялись преждевременные похороны советского коммунизма. «Как бы там ни было, присутствие или возвращение к власти старых членов коммунистической партии ничего не меняет в том факте, что коммунизм скончался вместе с режимом, который высоко держал его знамя...», – утверждает Ф. Фюрэ¹⁴.

Как бы ни было заманчивым, трудно повторить вслед за основоположниками марксизма их знаменитое изречение: «призрак коммунизма бродит по Европе». Пока на $\frac{1}{6}$ земной суши коммунистические идеи продолжают оставаться об-

¹³ Правда. 26.11.1989.

¹⁴ Furet F. Da Lenin a Gorbaciov: L'oppio dei popoli // Liberal. 1996. N 13. P.59.

разом и стилем мышления масс, слухи о смерти коммунизма и его превращении в призрак оказались несколько преждевременными.

Философ М. Мамардашвили, анализируя феномен сталинизма, справедливо писал: «...Никакого сталинизма не существовало... На самом деле Сталин – это продукт миллионов “самовластий”, вернее, их сфокусированное отражение. Об этом, кстати, он и сам говорил, признаваясь, что партия создала его по своему образу и подобию... Адекватным их сознанию оказался Сталин. Поэтому он и стал тем, кем стал»¹⁵.

Для начала попробуем взглянуть на проблему специфики массового сознания под углом «русского национального характера». Один из исследователей этой темы К. Касьянова подводит под это понятие следующее: «Национальный характер – это представление народа о самом себе, это безусловно важный элемент его народного самосознания, его совокупного этнического Я»¹⁶. Мне уже доводилось писать об особенностях становления массового сознания россиян. И один из важнейших выводов сводился к наличию сильно выраженного архетипа общинного, коллективного, неиндивидуализированного сознания¹⁷.

Что изменилось в массовом сознании в советский период? Октябрьская революция 1917 г. стала событием не меньшей значимости для россиян, чем Французская революция 1789 г. для французов. Она существенно изменила весь общественный уклад россиян, модернизировала экономику и производственные отношения. По степени воздействия на общество и индивидуумов, на их духовную культуру ее можно сравнить со *светской реформацией*. У философа Н. Бердяева есть тонкое замечание относительно того, что советский коммунизм можно рассматривать “как напоминание о неисполненном христианском долге”¹⁸.

Другой философ – М. Мамардашвили утверждает, что массовое сознание россиян «не было глубоко затронуто Евангелием». Русская идея христианской свободы существенно отличается от протестантской: она осуществляется в соборности и не индивидуализирована. Для православия характерен профетизм, устремленный в будущее в напряженном искании Царства Божьего, новой религиозной эпохи. Русскую мысль беспокоил вопрос о социальной правде. Философ Н.С. Трубецкой называл соборную ментальность «метафизическим социализмом». «Русский коммунизм, – утверждает Бердяев и есть негатив позитива русского правдоискательства»¹⁹. Столкновение различных субкультур, выделим прежде всего новоевропейского типа и традиционалистского общества, которое на протяжении нескольких столетий разделяло Россию, завершилось победой новоевропейской по форме и традиционалистской по существу субкультуры.

Основная масса носителей новоевропейской культуры - европейски образованная часть интеллигенции – была вытеснена за границу в годы граждан-

¹⁵ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 170.

¹⁶ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С.8.

¹⁷ Mikhailenko V. Centro e periphery nello Stato russo // Relazioni Internazionali. 1995. Agosto; 1996. Gennaio.

¹⁸ Бердяев Н. Самопознание. М., 1990. С. 215.

¹⁹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

ской войны, отправлена «философскими пароходами» с интеллигенцией в начале 20-х гг., уничтожена в годы сталинских репрессий. Каждый советский человек, выезжавший за границу в длительную командировку, автоматически включался органами безопасности в список «агентов влияния» и попадал под особый политический надзор. Надо ли удивляться, что на интеллектуальном уровне коллективистская идея практически не встретила массового противодействия.

Николай Бердяев, проживший пять лет в советской России до своей высылки за границу, писал, что «в стихии большевистской революции меня более всего поразило появление новых лиц с небывшим ранее выражением», «ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей русскую революцию». «Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры. Это тип столь же милитаризованный, как и тип фашистский». «В коммунистической атмосфере было что-то жуткое, я бы даже сказал, потустороннее»²⁰. Чисто внешне был создан новый тип советской культуры, изменилось мировоззренческое, эстетическое восприятие мира, установились новые этические отношения между индивидуумами, в семье и обществе. Используя методы *социалистического воспитания, принуждения и насилия*, новое государство ликвидировало сословную дифференциацию традиционного общества, на смену ей пришла более современная *иерархия функций (т.е. служебная карьера)*, было минимизировано влияние негосударственных структур - родового общества, семьи, гражданского общества, религии.

Насильственная коллективизация физически стерла организационные формы локальных структур традиционного общества. Неформальная, частная жизнь находилась под фактическим запретом. Самым жестоким образом были прерваны исторические традиции, опыт поколений, переписана в удобном режиме тоне вся отечественная история.

Советский человек и государство. Казалось, было создано абсолютно органичное, непротиворечивое, деатомизированное общество, слившееся с государством. «Государство – это мы», – звучал один из популярных коммунистических лозунгов. По логике Маркса и Энгельса государство, таким образом, достигло своей цели органического слияния с обществом и должно было *отмереть*.

В действительности, пролетарская диктатура, введенная на период перехода «от государства к не-государству», ограничилась заменой государственной бюрократии. Однако спустя четыре года после неудачных попыток привлечь к управлению рабочих и крестьян, были возвращены на государственную службу сотни тысяч чиновников старого самодержавного аппарата.

Проблема борьбы с государственным бюрократизмом занимала столь важное место в первые годы советской власти, что ей был посвящен целый раздел в Программе партии 1919 г.²¹ Суть административных мер сводилась к ротации чиновников, к расширению самоуправления, к упрощению бюрократического аппарата.

²⁰ Бердяев Н. Самопознание. М., 1990. С. 214.

²¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т.2.С.79.

После нескольких попыток реформ государственного управления Сталин фактически восстановил дореволюционную систему государственного управления. Недостатки профессиональной подготовки государственных чиновников и отбора по профессиональному принципу компенсировались введением *авторитарно-репрессивного* механизма – жесткой партийной дисциплины и контроля, навязыванием атмосферы страха среди чиновников перед реальной угрозой репрессий.

Никакого иного выбора у советского руководства не было. Один из наиболее известных исследователей бюрократических систем Л. фон Мизес доказывает, что жесткий правительственный контроль над экономической активностью несовместим с любой формой конституционного и демократического режима. По мнению австрийского экономиста единственным показателем демократичности бюрократической системы является примат закона для нее – *Nulla poena sine lege*. Альтернативой демократической системе управления является административно-бюрократическое управление. «Равным образом истинно, что бюрократия проникается глубокой ненавистью в отношении частной экономической деятельности и свободной инициативы... Она стремится к тотальному контролю над экономикой и деятельностью государства и рассматривает в качестве общественного врага любого предпринимателя, который намеревается выйти из-под ее контроля»²². Фон Мизес утверждает, что государственная бюрократия является прямым исполнителем тоталитарной политики государства²³.

Таким образом, сформулированная как одна из принципиальных целей советской власти – задача огосударствления экономики – безальтернативно подводила власть к созданию мощного государственного бюрократического аппарата. До 28 июня 1918 г. большевики осуществили огосударствление практически всей промышленности, банков, транспорта, внешней торговли²⁴. 1 декабря 1917 г. были созданы новые органы управления хозяйством – совнархозы. Система управления выстраивалась по ленинскому замыслу: беспрекословное повиновение масс единой воле руководителя трудового процесса. Предполагалось, что централизация и единоначалие должны сочетаться с сознательным участием масс в хозяйственной жизни, с разнообразным контролем снизу²⁵.

Фон Мизес сравнивает: «Людовик XIV был совершенно откровенен, когда говорил: Государство – это я. Современный чиновник гораздо скромнее. Он говорит: я слуга государства; но при этом подразумевает, что государство – это Бог. Можно восстать против короля Бурбона, что французы и сделали. В этом случае ясно, что имела место борьба человека против человека. Но как подняться против Бога – государства и против его смиренного слуги – бюрократа»²⁶.

Российская история XX в. показала, что государственная бюрократия обладает устойчивыми поведенческими стереотипами, корпоративной соли-

²² Mises L. von. Burocrazia. Rusconi, 1991. P.22, 24.

²³ Ibid., P. 33.

²⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972. С.240-241.

²⁵ Там же. С.252.

²⁶ Mises L. von. Burocrazia. P.98.

дарностью и фантастической способностью регенерации. Неоднократно на протяжении столетия, изменив свой внешний облик, российская бюрократия вместе с тем легко узнаваема как специфически отечественное образование. Более того, как показал опыт демократического развития 90-х гг. XX в., наличие формальных признаков демократии – разделения политических властей – ничего не меняет в поведении государственной бюрократии. В России она властолюбива и проникнута тоталитарным духом и поведением. В современных политических условиях региональная бюрократия не вписывается в централизованную вертикаль «сдержек и противовесов». Угрожая территориальному единству России, она навязывает свои правила игры центральной власти. Эта практика может быть квалифицирована как «региональный цезаризм», не имеющий ничего общего с демократической системой противовесов.

Вновь, как в советский период, не свободная предпринимательская деятельность, полная риска, или профессорская безденежная карьера, а продвижение по государственной службе становятся объектом вождения многих соотечественников.

Фон Мизес утверждает, что никакого «третьего пути», «третьей системы» между советской и американской не существует²⁷.

Первичную ячейку советского общества составлял *советский человек*, не имеющий чувств национальных и исторических корней, в котором было подавлено собственническое, личностное и индивидуалистическое начало.

Что означает «государство» для россиянина? Исторически российское, а затем советское государство стремилось убедить россиянина в необходимости любить его, государство. Тем не менее, в сознании россиянина было и есть отчужденное и даже враждебное отношение к государству.

Государство противостоит русскому человеку как нечто враждебное, и на него, как на врага, не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть, ему нельзя верить, с ним можно бороться²⁸. Соответственно этому сформировалось отношение ко всему государственному: к политике, к законодательной и исполнительной власти, к государственным служащим всех рангов. Ненависть к государственному часто использовалась властью для переключения внимания масс. Сталин неоднократно использовал оружие против выходящей из-под контроля государственной бюрократии для запуска последующих массовых репрессивных кампаний.

Для присмотра над бюрократией и выполнения связующей роли в обществе использовались профсоюзы и партия. Профсоюзная дискуссия в 1920-х гг., в ходе которой предпринимались попытки поставить профессиональные союзы над партийными и государственными организациями, завершились установлением партийной диктатуры.

Антииндивидуалистическое сознание. Истоки массового антииндивидуалистического сознания восходят к дореформенному периоду 1861 г. После отмены крепостного права общинное сознание не было переработано индивидуалистической хозяйственной этикой. Как пишет Н. Верт, реформа 1861

²⁷ Ibidem. P.25.

²⁸ Касьянова К. О русском национальном характере. С. 72.

г. освободила крестьян лишь с юридической точки зрения, не дав им экономической независимости, реформа скорее укрепляла архаичные, можно сказать феодальные, экономические структуры. Предпринятый П. Столыпиным натиск на крестьянские общины спровоцировал антигосударственные настроения, но не дал ощутимых результатов в создании нового слоя крестьян-собственников. Накануне первой мировой войны доля свободных крестьянских землевладений составляла лишь 15 % общей площади обрабатываемой земли и собственниками смогли стать лишь 8 % крестьян. Под натиском революционных событий 1917 и 1921 гг. дрогнувшая было крестьянская община окрепла²⁹.

Пореформенный период прошел в яростной борьбе между крестьянами – «кулаками», вставшими на фермерский путь ведения хозяйства, и крестьянскими общинами. Накануне коллективизации зажиточные крестьяне составляли всего лишь около 1 млн. семей. Для отнесения к «кулакам-мироодам» было достаточно иметь какую-то сельскохозяйственную технику, пару лошадей, несколько коров. И это при том, что сельскохозяйственное оборудование не обновлялось с 1913 г. Кстати, само понятие «мироод» появилось в период столыпинских реформ.

В психологическом плане ненависть бедноты обрушивалась в отношении любой крестьянской семьи, выбивавшейся чем-то из толпы. Отличавшиеся прилежным трудом старообрядцы были самыми последовательными «коммунистами», категорическими противниками товарного производства.

По таким показателям, как профессиональная этика, отношение к труду, эффективность организации труда российское сельское хозяйство и промышленность не достигли уровня развитых европейских стран. Деревенская масса из разорившихся сельских общин с не преодоленными крепостническими пережитками сознания по воле судьбы оказалась во враждебной ей городской среде. Она привносила с собой деревенскую культуру быта и труда.

В свою очередь многочисленные социалистические эксперименты в деревне, связанные с ограничением личных крестьянских хозяйств и с навязыванием городского стиля жизни, привели к раскрестьяниванию сельского жителя. Многие сельчане утратили навыки ведения автаркического домашнего хозяйства, не умеют испечь хлеб, сделать запасы продуктов.

Сильная монополизация производства в промышленности и финансах при слабо развитой капиталистической многоукладности являлись свидетельством не перезревшего капитализма, как считали Ленин и его соратники, а, напротив, его отсталости.

«В конечном счете массы высказались за социализм, по-видимому, по той простой причине, что тот комплекс идей, на котором покоится социалистическое учение, чрезвычайно близок комплексу представлений локальной культуры типа сельской общины. В идее социализм предполагает построение общества по типу большой семьи, где - большая часть населения находится на положении детей или младших членов семьи...»³⁰

Лингвист Н.А. Купина в книге «Тоталитарный язык» обращает внимание на антиномию «коллективизм – индивидуализм» в русском языке со-

²⁹ Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1992. С. 13, 49, 50.

³⁰ Касьянова К. О русском национальном характере. С. 66.

ветского периода. Все коллективное интерпретируется как передовое, общественно полезное, социалистическое (коммунистическое) по содержанию. Все, отделяющееся от коллектива, – как разрушительное, антиобщественное и идет с примечанием «недоброжелательное»³¹.

Тоталитарный язык и репрессивное сознание. Карл Маркс, анализируя русскую крестьянскую общину, использовал понятие «локализованный микрокосм», изолированный от внеобщинного мира. Построенный коммунистами мир был ограничен от контактов не только «железным занавесом» внешних границ, но и внутренних границ, отделивших СССР от некоммунистического мира, от исторического прошлого и, возможно, от некоммунистического будущего.

Тотальный контроль, установленный советским режимом над массовым и индивидуальным сознанием, значительно превосходил самые страшные антиутопии Дж. Оруэлла. «Великий перелом» 1927-1929 гг. привел к огосударствлению промышленности, сельского хозяйства и стал поворотным в осуществлении «культурной революции». На практике чистка в научных и культурных учреждениях началась раньше, но в конце 20-х и в 30-х гг. она приобрела особенно жесткий и систематический характер. Идеологический контроль устанавливался над всеми сферами духовной жизни общества.

Тем не менее важно подчеркнуть, что технология становления *новой советской культуры и новой советской духовности* была значительно сложнее, чем элементарное низведение к действиям репрессивных механизмов. Выделим некоторые доминанты новой советской культуры.

Во-первых, в новой советской духовности проявились ментальные черты эпохи. Спроектированное на основе социально-утопических идей государство культивировало устремленные в будущее утопические идеалы во всех сферах духовной жизни общества. По своей структуре они соответствовали традициям русского национального характера. Все это можно было отметить и ранее в русском самосознании: в народных религиозно-утопических легендах, в философско-исторических идеях. При этом я бы воздержался от крайности в оценке, связанной с приравниванием общинного к тоталитарному. Впрочем, как и с точкой зрения И. Есаулова, который полностью разводит эти понятия. «Советская литература внешне как бы подхватывает оба пучка соборного сознания русской культуры, так, изображаемое знаменитое равенство («простые советские люди») и вместе с тем не менее знаменитый «новый образ положительного героя – борца, строителя, вожака» – это ли не рассмотренное выше единство перед Богом и своего рода отзвук былого христоцентризма?» Даже если мы на мгновение поверим, считает И. Есаулов, что советская культура есть продолжение русской культуры, то нам все равно в ней будет недоставать «только одного атрибута человеческой личности», «значимое отсутствие бессмертной души – едва ли не главная особенность героя социалистического реализма»³². Все это верно, однако и сам И. Есаулов замечает, что в русской литературе имеется не только образ Христа, но и Антихриста.

Во-вторых, низвержение с духовного Олимпа православия было замещено установлением культа *новой веры*. Н. Бердяев определил коммунизм как

³¹ Купина Н.А. Тоталитарный язык. Екатеринбург-Пермь, 1995. С. 13

³² Есаулов И.. Тоталитарность и соборность: два лика русской культуры //Вопросы литературы. 1992. Вып. 1.

«исповедание определенной веры, веры противоположной христианской»³³. Однако следует иметь в виду, что антихристианство не было привнесено чужеродной культурой. Как антиномия «день и ночь», оно сформировалось в недрах той же самой культуры. До октябрьской революции в 1905 г. в заметках «О мещанстве» М. Горький утверждал, что Толстой и Достоевский, «два величайших гения... однажды... оказали плохую услугу своей темной, несчастной стране... Проповедью терпения, прощения, оправдания...», т.е. утверждением христианских ценностей. Рубеж XIX – XX вв. проходил в России в напряженном ожидании грядущего прихода Христа или Антихриста. Было бы упрощением представлять коммунистов в качестве апологетов Антихриста. Культурный процесс был значительно сложнее. Образ Антихриста усматривался в русском философе К. Леонтьеве и в писателях Ф. Достоевском и Н. Гоголе.

В третьих, в послеоктябрьский период объективно изменился социальный состав научной и творческой интеллигенции. В докладе А.А. Воронского на совещании в ЦК РКП(б) от 9 мая 1924 г. по вопросу «О политике партии в художественной литературе» отмечалось, что «как только у нас пошли новые молодые писатели, – у нас совершенно ясно и отчетливо обрисовался крестьянский, мужицкий уклон». А.А. Воронский обращал внимание на то, что за дискуссией о буржуазной или пролетарской литературе часто скрывалось два разных подхода к значению искусства: «жизнестроение и жизнепознание».

Задолго до того, как коммунистическая партия установила идеологический контроль над творческим процессом, возникли из народа «могильщики» «буржуазной эстетики, искусства и культуры» и строители «нового, социалистического искусства и культуры». Один из них Ил. Вардин, оппонент А. Воронского на вышеупомянутом совещании, ставил в вину последнему, что «для него не существует классовой войны, для него не существует революции, он рассуждает вообще, он преподносит такую новость, что искусство не подлежит никакому регулированию и политическому воздействию». «...К литературным проблемам нам нужно подходить с точки зрения воздействия на массы, и никакие другие точки зрения для нас решающего значения иметь не могут... Преступно щадить хотя бы малейшие уклоны», – безапелляционно заявлял И. Вардин. Он предлагал опереться на единственную писательскую организацию, проводящую линию партии, – Всесоюзную ассоциацию пролетарских писателей³⁴.

Под предлогом популяризации философских идей в массах осуществлялась вульгаризация марксистской философии и ее превращение в идеологический катехизис. Примером тому являются труды Сталина «Об основах ленинизма» (1924) и «К вопросам ленинизма» (1926). Любое нестандартное философское размышление воспринималось как отклонение от генеральной линии партии. В 1922 г. из страны были высланы 161 представитель интеллигенции, среди них философы Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, П.А. Сорокин, И.И. Лапшин.

Идейную основу введения политической цензуры, запрета свободы печати, преследования инакомыслящих создал В.И. Ленин. В письме Г.И. Мясникову в ав-

³³ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С.135.

³⁴ О политике партии в художественной литературе. Материалы совещания в ЦК РКП (б) 9 мая 1924 г. // Вопр. литературы. 1990. № 3. С. 160,162,167,172.

густе 1921 г. он писал, что советская власть не может допустить полную свободу печати³⁵. В мае 1922 г. он дал указания руководителю ГПУ Ф.Э. Дзержинскому о подготовке к высылке контрреволюционных писателей и ученых. В высших учебных заведениях были введены экзамены по марксизму для всех преподавателей,

В- четвертых, необходимо учитывать самые обыкновенные человеческие слабости, которые влияли на творческий процесс, такие как упрощенные представления о действительности, алчность, зависть, карьеризм, групповые интересы, стремление к лидерству, воинствующее невежество.

Жестокие репрессии 30-х гг. и «волны» репрессивной политики в последующий период завершили работу по формированию массового репрессивного сознания. Есть неписанный закон цикличного развития любой научной теории: достигнув предела своего развития, начинает пересматривать свои казавшиеся незыблемыми основания. Пресечь этот мыслительный процесс можно лишь одним радикальным способом – превратить теорию в «священную корову», в неанализируемую мифологию. Последствия мыслительной атрофии, замкнутости культуры, пресечения свободомыслия сопоставимы разве что с физическим проявлением человеческого геноцида.

М. Мамардашвили охарактеризовал последствия этого как полную деградацию личности, «антропологическую катастрофу», что проявляется в неспособности человека соприкоснуться с реальностью. Это явление – порождение идеологизированной структуры, вытесняющей открытое сознание. Суть проблемы он сводил к «расщеплению, разрыву жесткой спайки государства и общества», к состоянию «догражданственности в нашем сознании». В чем это проявляется? В ирреальном соприкосновении с действительностью. Еще В. Набоков наблюдал в гоголевском герое из «Мертвых душ»: «...Ну какой же Чичиков плут? Предмет плутовства его ирреален». Советский период многократно умножил это ирреальное состояние русской души. Мамардашвили приводит примеры. Возьмите учебник по марксистской философии: им нельзя профессионально оперировать, он весь состоит из потусторонностей. К этому можно добавить фрагмент из учебного пособия, написанного военными философами 1970-х гг., в котором совершенно серьезно утверждается, что в случае ядерного конфликта с США победа окажется на стороне СССР благодаря прогрессивности социально-политического строя.

Обратимся к особенностям знакового, семиотического уровня восприятия человеком внешнего мира и специфике его языка. Психолог Г.А. Глотова, сопоставляя человека с животными, выделяет его важнейшее отличие в том, что генетическая программа обеспечивает рождение индивидов с универсальным неспециализированным мозгом, функциональная система которого формируется условиями социального бытия. Собственная жизнедеятельность задана изначально человеческому индивиду как задача произвести, сотворить себя³⁶.

Как одно из важнейших условий формирования индивидуального склада зрелой личности Л.С. Выготский считал самосовершенствование двух систем высших психических функций – мировоззрения и самосознания. Че-

³⁵ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т.44.С.79.

³⁶ Глотова Г.А. Человек и знак: Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека. Свердловск.,1990.

людей, находящийся в рамках идеологизированной структуры лишен самосознания, он заранее знает, *каким он должен быть*. Мамардашвили выделил три основных постулата того космоса, в котором мы жили: *первый* – то, что должно быть, наступит быстро и навсегда; *второй* – неважно, что есть на самом деле, важно, что должно быть; *третий* – человек, который противостоит тому, что должно быть, является нарушителем закона этого космоса и поэтому подлежит изъятию. В идеологизированной структуре человек превращается в инструмент для реализации того, что считается должным.

Феномен идеологизированного, репрессированного сознания является не столь простым для оценки и анализа, как это нам казалось в начальный период перестройки. В.Т. Нанивская утверждает, что «неплодотворно и даже опасно пытаться строить общество на основе (пусть красивых и заманчивых) утопических умственных построений». Самое страшное, по ее утверждению, что произошло за советский период, – это деформация человека, проявляющаяся на самых разных уровнях. Социальная «история, как и природа, должна развиваться естественно, любое насильственное вмешательство в ее процессы чревато непредсказуемыми результатами»³⁷.

Соглашаясь с констатацией жестоких последствий деформации личности в советский период, кстати В.Т. Нанивской удалось весьма обстоятельно показать в публикации создание «репрессивно-классовой модели сознания и поведения людей», можно лишь помечтать вместе с философом относительно реальности альтернативной стерильной социальной среды без идеологий и идеологизации, без использования средств массированного давления на индивидуальное и массовое сознание.

На выбор семиотической системы общения человека с социальной средой влияет многофакторность: в т.ч. особенности этноса, этнопсихология, культурно-исторические традиции, географический фактор и многие другие. Мамардашвили в качестве примера связи состояния языка и мыслительного механизма упоминает появившихся в России «странных людей», заговоривших языком «управдома». Они выведены Зощенко, Заболоцким, Платоновым в качестве литературных героев.

Именно этот язык «управдома», состоящий весь из потусторонностей, которые не поддаются никакому воздействию мыслью, стал рабочим языком партийной литературы. Для большинства рядовых марксистов единственным классиком, которого читали, был Сталин. Его труды были понятны массовому читателю, Сталин оказался адекватным его сознанию. Попробуйте подвергнуть научному анализу краеугольный аксиоматический вывод Сталина: «Что же такое в конце концов ленинизм? Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»³⁸.

В советский период сложился своеобразный «тоталитарный» язык, несущий самостоятельную идеологическую функцию. Манипулирование языком стало важнейшим инструментом воздействия на общественное сознание. Именно благодаря языку идеология внедряется в общественное сознание и функционирует.

³⁷ Нанивская В.Т. Анатомия репрессивного сознания // Вопросы философии. 1990. №5.

³⁸ Сталин И. Вопросы ленинизма. С.2.

Между языком и культурой есть прямая связь. Как писал К. Леви-Стросс: «Язык является условием культуры, поскольку последняя обладает сходной с языком архитектурной»³⁹. Влияние коммунистической идеологии осуществлялось через языковую политику, которая проявлялась в сознательном воздействии на язык, его функционирование и развитие. Язык рассматривался как «фиксатор» идеалов классовой борьбы, социалистической революции, диктатуры пролетариата.

Н.А. Купина в качестве объекта исследования выбрала официальный в советский период «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова. По ее мнению словарь обнаруживает прямое давление идеологии на лексико-семантическую систему, маркирование лексики и размещение последней на аксиологической шкале.

Например, семантические оппозиции являются выражением идеологического примитивизма: *левый* – *правый*, *красный* – *белый*, *революционный* – *контрреволюционный*, *коллективизм* – *индивидуализм*. Слова *правый*, *буржуазный* не только близки по значению, но и включают в себе негативный смысл – *враждебный*, *контрреволюционный*, *белый* и т.д. Слово *выявить* трактуется как *разоблачить*, *показать в истинном смысле*. Идеологизирована семантика слов *интеллигенция*, *интеллигент*: *Интеллигент* как человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презр.). Слово *Интеллигенция* оказалось в одном ряду с одной семантической трактовкой – *нов. разг., презрит. Интеллигентщина*. Слово *Ревизионизм* в значении «буржуазное извращение, фальсификация марксизма» и т.д.⁴⁰

Н. А. Купина приводит примеры языкового сопротивления тоталитаризму, которое проявлялось в лагерной поэзии политзаключенных, в анекдотах..

Было бы наивным полагать, что сформированное в течение нескольких поколений на большевистской семантической основе русского языка массовое общество в течение короткого периода реформ сменит мировоззренческую ориентацию. Еще сложнее изменить *стиль мышления*.

Уже в ельцинский период попытки интеллигента – премьера Е. Гайдара объяснить научным языком суть осуществляемых реформ вызывали массовое неприятие, зато непостижимые для рационального понимания речи премьера В. Черномырдина не раздражают массы, они привычны.

Советская мифология оставила глубокий след в массовом сознании, прежде всего упрощенным представлением о социальной реальности и ее законах. «...Существует механизм уважения человека к самому себе, – пишет Мамардашвили. – Кроме властной потребности быть, состояться... у него есть еще потребность понимать. Человек в принципе не может жить в мире, который ему непонятен. Но принцип этого понимания всегда сращивается с фундаментальным отношением человека к самому себе ... Если же он достигает степени самоуважения посредством упрощенных схем, то он скорее убьет того, кто покусится разрушить эти схемы, чем расстанется с ними»⁴¹.

³⁹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1980. С.76.

⁴⁰ Купина Н.А.. Тоталитарный язык. С. 7-13.

⁴¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. С.163, 168.

Здесь важную роль играет индивидуализация сознания, переход к которой в условиях массового общества крайне осложнен. Австрийский психолог В. Франкл считает, что экзистенциальный вакуум и нарастание агрессивности у индивида возникают в том случае, когда его попытки обрести смысл остаются нереализованными. Как обрести смысл? Смысл нельзя дать, считает В. Франкл, его нужно найти.

В этой связи М.М. Бахтин справедливо писал: «Не может быть единого (одного) смысла. Поэтому не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая только одна в своем целом может быть реальной. В исторической жизни эта цепь растет бесконечно, и потому каждое отдельное звено ее снова и снова обновляется, как бы рождается заново». В росте этой смысловой цепи постоянно открываются многообразные альтернативы, заставляющие вновь и вновь задуматься над смыслом исторического процесса.

В поисках смысла человека направляет его совесть. Воспитание должно быть направлено на то, чтобы не только передавать знания, но и оттачивать совесть так, чтобы человеку хватило чуткости расслышать требование, содержащееся в каждой отдельной ситуации. Только бодрствующая совесть дает человеку способность сопротивляться, не поддаваться конформизму и не склоняться перед тоталитаризмом. Больше, чем когда-либо, утверждает Франкл, воспитание становится воспитанием ответственности. А быть ответственным - значит быть селективным, избирательным. Жизнь по совести – это всегда абсолютно индивидуально-личная жизнь⁴². Для человека с открытым сознанием является естественной не только попытка найти смысл, но и дойти до его самой последней сути.

И все-таки наряду с приобретенным, «советским» в массовом сознании следует учитывать наличие пластов унаследованного национальным архетипом «соборного», православно-христианского, антихристианского, языческого, локально-общинного сознания.

Имперское и национальное государство. Один из исследователей советского государства Михаил Агурски утверждает, что проект Советского Союза был не столько реализацией утопической идеи большевиков, сколько наиболее последовательным претворением в жизнь традиционной русской идеологии государственности, не имеющей ничего общего с европейским марксизмом⁴³. С такой постановкой вопроса в принципе можно согласиться. Как известно, последовательные антикоммунисты, евразийцы в 20-30-х гг. открыто поддерживали большевиков в строительстве советского государства, усматривая в нем продолжение традиций Российской империи.

Однако с другим его определением – «этатизм» (или централизованное государство как высшая и абсолютная ценность) является формой национализма» – хотелось бы поспорить⁴⁴. М. Агурски относит к однопорядковым явлениям распространение русского религиозного и панславянского мессианства, с одной стороны, и усиление русского национализма, с другой стороны. Таким образом, даже в провозглашенной отцом Филофеем идее «Москва –

⁴² Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С.24-43.

⁴³ Agursky M. La Terza Roma. Il nazionalbolsevisimo in Unione Sovietica. Bologna, 1989. P.10-11.

⁴⁴ Ibid. P. 13.

Третий Рим» он уже усматривает реальную националистическую угрозу миру со стороны российского государства⁴⁵. Однако в России, по нашему мнению, ни в дореволюционный, ни в советский период *не произошло завоевание государства нацией*, т.е. не сложилось *русское национальное государство*.

В современном значении понятий «государство» и «национализм» их слияние произошло сравнительно недавно на рубеже XVIII-XIX вв. и связано с Французской революцией. В Декларации прав человека и гражданина центральной фигурой суверенитета определялась нация. Через известную концепцию Руссо «о выражении всеобщей воли» произошло слияние национальной идеи с культом (мифом) о народном суверенитете. Новое единство искало формы своего выражения через создание новой политической практики, новых ритуалов, новой светской религии. Национальная идея превращается в идеологию масс и массовых политических движений и партий только в XIX в. Как и социализм, национализм является разновидностью коллективистской идеологии, призывающей индивидуума раствориться в высшем социальном и коллективистском единстве. Обе эти идеологии видят в захвате политической власти необходимое условие полной реализации их целей⁴⁶.

К концу XIX в. в европейском национализме проявились две тенденции, первую из которых евразиец Н.С. Трубецкой назвал «эгоцентрическим национализмом», а вторую – «истинным национализмом». К первой он отнес «общеромано-германский шовинизм»⁴⁷.

Не акцентируя внимания на национальном признаке «эгоцентрического национализма», отметим наиболее важные вехи его становления. Наполеоновская экспансия велась от имени французской нации и ставила целью установление ее гегемонии. Встреченные первоначально как освободители и носители передовых идей, французы спровоцировали рост национального самосознания на завоеванных территориях, а затем столкнулись с национальным сопротивлением и движением к национальному суверенитету.

Х. Арендт считает, что французы были единственными, кто попытался соединить *ius* и *imperium*. По крайней мере, они попытались превратить политический организм национального государства в имперскую политическую структуру, веря в то, что «французская нация шагала вперед., чтобы распространить блага французской цивилизации»; они хотели включить заморские владения в национальное целое, обращаясь с покоренными народами «и как с братьями, и ...как с подданными, – братьями в семье единой французской цивилизации и подданными в смысле обучения французскому просвещению и следования французскому руководству». Х. Арендт подчеркивает, что результатом этого «смелого начинания» была особенно жестокая эксплуатация французами заморских владений во имя нации⁴⁸. Под таким ракурсом Ж. Л. Шабо рассматривает понятие «империя», как

⁴⁵ Ibid. P. 23-26.

⁴⁶ Chabot J.-L.. Il nazionalismo. Mondadori, 1995. P.13-32, 41.

⁴⁷ Трубецкой Н.С.. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 36.

⁴⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С.192.

экспансию политической власти одного общества на новые географические пространства в интересах самой этой власти и во имя нации⁴⁹.

Процесс национально-государственного освобождения сопровождался расслоением националистических идей. Заслуживают внимания изучение последствий националистической волны, которая двигалась с Запада на Восток в XIX в. В некоторых регионах Восточной Европы она спровоцировала раскол православия на национальные автокефальные церкви. Однако есть основания предполагать, что последствиями этого раскола в большинстве случаев стало не становление *национального государства*, а тиражирование имперских идей в миниатюре.

В *Италии* национализм использовал идеологию божественного права «избранного народа» на национальный суверенитет. Поэтому итальянский национализм имел религиозно-мессианскую окраску.

И в годы фашизма в ходе территориальной экспансии использовалось скорее имперское, чем националистическое обоснование, начиная от концепции «кризиса капиталистической цивилизации» и мессианской роли «универсальной фашистской идеи» в строительстве «новой цивилизации», основанной на «римской традиции Империи». В основу плана итальянского «жизненного пространства» был положен принцип «иерархии отношений», который и должен был обеспечить единство империи. Это означало, что экономические, национальные, расовые, социальные и политические отношения выстраивались строго по принципу иерархического подчинения. За итальянцами признавалась «цивилизаторская роль» в рамках империи и подчинение «низших рас» «высшей итальянской расе». Расовая политика занимала заметное, но не главное место в фашистской имперской идее. Тоталитарность фашистской идеи подчеркивал примат Государства. В фашистской доктрине было записано: «...Для фашизма все находится в государстве... ничего человеческого или духовного, что представляло бы какую-либо ценность, вне государства. В этом смысле фашизм является тоталитарным...» Государство, согласно фашистской доктрине, представляет имманентное сознание нации.

По принципу «иерархии отношений» итальянская сторона в 1933-34 гг. предлагала выстроить «Соединенные Штаты Европы». Вершину пирамиды «нового мирового порядка» должен был составлять директорат четырех государств в составе Великобритании, Франции, Италии и Германии. Предполагалось, что каждый участник директората будет иметь собственное имперское пространство. С вступлением Италии в войну в 1940 г. журнал «*Critica fascista*» писал: «Один полюс оси упрется в центр Европы, другой в центр Юго-Восточной Европы и вовлечет в свою орбиту Средиземноморский бассейн, всю Африку, часть Азии, включая омывающие ее моря, Средиземноморскую и Индийскую Азию... Здесь будет развиваться империя новой цивилизации».

Иное направление получило развитие националистической идеи в *Германии*. Развитие философского пантеизма Фихте, Шеллинга, Гегеля достигает своей абсолютной формы в начале XIX в. в германском национализме. Фихте перевел христианское обожествление «Я» в коллективное и национа-

⁴⁹ Chabot J.-L... Il nazionalismo. P.33.

листическое «Мы». За этим последовала разработка идеи исключительности германской нации, претворенной в статусе германского Государства. Как известно, Гегель довел концепцию Государства до высшей формы суверенитета, в котором и реализуется Дух. У Фихте исключительные качества германского народа-нации основываются на концепциях «крови» и «расы» в эмпирико-мифологическом значении.

В последующем пангерманисты используют эту концепцию в расистских целях. В идеологии германского национал-социализма высшей ценностью провозглашалась раса, которая полностью ассоциировалась с нацией. В программе НСДАП было записано: «Нация ... это высший синтез всех материальных и духовных ценностей расы». А «чистота расы» определялась в свою очередь мифической концепцией «германской крови»⁵⁰.

Германский национализм старается использовать религиозные формы для актуализации традиционалистских мифологий. Например, германские националисты использовали сложившиеся ритуалы и мифологию народного, «*Volk*» движения, понятные простому человеку⁵¹.

Мессианская тема звучит в германском национализме в плане абсолютной исключительности немцев в осуществлении ими наивысшего предназначения на земле. В отличие от имперских и ряда националистических идей в концепции германских нацистов государство являлось жизненной функцией народа, в котором примат оставался за расовой народной общностью. В тоталитарной нацистской системе над законом стояло «святое народное чувство», к которому должен был прислушиваться любой судья при исполнении своих обязанностей⁵².

Центральным звеном нацистской экспансионистской политики являлось «жизненное пространство», которое рассматривалось нацистами как субъект международного права, идущий на смену государству или союзу государств. Кстати, один из ведущих разработчиков концепции К. Шмитт подчеркивал, что нацисты «не просто копируют американский образец (доктрины Монро – В.М.), а лишь обнажают здоровое ядро международно-правового принципа организации великого пространства».

Один из ведущих исследователей нацистских концепций «жизненного пространства» В.А. Буханов обратил внимание на содержательную сторону критики, которой подверглась концепция К. Шмитта со стороны нацистских биополитиков и геополитиков. Их суть можно свести к следующему: во-первых, К. Шмитт допускал сосуществование «жизненных пространств» как субъектов международного права и даже возможность невмешательства пространственно внешних сил; во-вторых, К. Шмитт сводил «жизненное пространство» к географическому принципу, в то время как биополитики к расово-биологическим причинам. Например, Р. Хён считал, что великое пространство оправдано лишь в том случае, когда оно сливается с жизненным пространством принадлежащих к одной и той же расе народов. Что касается конкретных представлений о «новом европейском порядке», то предполагалось, что реорганизованная на расово-биологических основаниях Европа превратится в Ве-

⁵⁰ Ibidem. P.41-43.

⁵¹ Mosse G. La nazionalizzazione delle masse.

⁵² Mises, L. Von. Burocrazia. P.61.

ликую Европу, которая будет включать в качестве дополнительных пространств не только Африку (Еврафрика), но и всю северную часть Азиатского континента вплоть до Охотского и Берингового морей (Евразия).

В.А. Буханов отмечает, что нацистов не интересовало само по себе жизненное пространство как географическое. В фокусе их внимания было жизненное пространство, определяемое взаимодействием биологической субстанции с пространством и климатом. Из биологической субстанции природа сформировала три общности людей – отдельную семью, народную семью (народность, народную общность) и семью народов. Только тогда, когда народ и семья народов станут центром вращения пространства, человек снова будет мерилем всех вещей. Только тогда может возникнуть новый европейский и мировой порядок.

Самым крупным достижением предвоенного периода нацисты считали преобразование немецкого народа в народную общность, в которой вместо классов существуют только мужские и женские элементы. С началом войны они стремились биологизировать остальные европейские народы. Правильное руководство семьей народов, по мнению нацистов, осуществляется не по принципу иерархии, не по принципу организма, но по принципу биологической гравитации. Германия является отцом семейства европейских народов и вовлекает в свое силовое поле женские народы. Нацистская этика взаимоотношений предусматривала, что ради общего блага семьи народов тот или иной европейский народ может быть лишен государственного и народного суверенитета.

В интересах поддержания биологической гравитации предусматривалась возможность насильственного переселения отдельных народов. Насилие рассматривалось как естественный и органичный элемент нацистского нового порядка.

Заслуживает внимания исследование В.А. Бухановым нацистского механизма биологического круговорота «руководящего народа». В его среде существует верхний и нижний слой. Время от времени верхний слой «руководящего народа» опускается вниз, в материнское лоно народности, чтобы восстановиться для нового подъема. Нацисты считали чрезвычайно важным не допустить «засорение» нижнего слоя расово чуждыми народами. Согласно Нюрнбергскому законодательству 1935 г., все население Третьего рейха разделялось на имперских граждан и государственных подданных. Только обладатель имперского гражданства мог занимать руководящие посты. На оккупированных территориях действовал Список немецкого народа, в котором излагались условия приобретения имперского гражданства. О политике нацистов в отношении расово чуждых народов достаточно было приведено доказательств в ходе Нюрнбергского процесса.⁵³

Вышеприведенный сравнительный материал имеет для нас важное значение, чтобы понять соотношение имперского и национального в массовом сознании россиян и в политике российского и советского государства.

Образ мира в массовом сознании россиян. В ходе исторического развития русской общности сформировался в основе своей антизападный стереотип видения мира. Европейская культура, как правило, являлась аристократической, оторванной от простого народа. Нормальный ход исторического процесса был

⁵³ Буханов В.А. Гитлеровский “новый порядок” в Европе и его крах. 1939-1945. Екатеринбург, 1994.

остановлен в тот момент, когда распад Российской империи не завершился становлением национальных государств. Весьма условно можно говорить о национальном самосознании россиян. Социальные связи локальных общинных структур не успели перерасти в национальные. На уровне личностного и массового сознания еще не успели сформироваться национальные архетипы.

Причины успеха ленинского плана создания космополитического государства, объединенного интернационалистской идеей, заключались прежде всего в том, что по своей форме они мало чем отличались от мессианских идей русского православия. Эта черта была подмечена и исследована философом Н. Бердяевым: «В русском коммунизме воля к могуществу оказалась сильнее воли к свободе. В коммунизме элемент империалистический сильнее элемента революционно-социального»⁵⁴.

Имперско-территориальное мышление имеет религиозную матрицу и занимает центральное место в русском православии, во всей византийско-христианской политической культуре. Эта матрица, освобожденная от религиозного языка, была использована для обоснования Союза Советских Социалистических Республик, на ее основе развиваются современные государства в европейской части СНГ.

Основные компоненты этой концепции синтезировал итальянский исследователь А. Витале: 1. Вечно живая идея вечности/нерушимости Империи в ее территориально-имперском единстве, которая является святым, божественным инструментом. Все это сводимо к органичной метафоре – «Империя как живое тело». 2. Идея Империи в ее качестве исключительной защитницы Христианства. 3. Универсальный характер имперской идеи. 4. Идея, что имперская земля является «святой», поскольку она вручена Богом навечно. В связи с этим Империя идентифицируется с понятием «Божий Град». Это единственное земное отражение небесной Империи. 5. Идея, что имперская мощь Государства равнозначна могуществу Церкви. 6. Идея сакральности территориальной экспансии, поскольку расширение имперского пространства несет вместе с собой расширение области применения религиозного авторитета (православная экуменическая миссия Империи), сливается с военной экспансией, культурным и духовным распространением. Завоевание означает автоматически «спасение» покоренных народов. 7. Идея православного «византийского православного превосходства» над другими народами, объединенными в имперскую территорию. 8. Идея однородности в связке с «усиленной византинизацией» завоеванных народов, проявляющейся в русификации национальных меньшинств. 9. Идея, согласно которой политический руководитель православной Империи (царь и др.) является ответственным за судьбы Церкви и гарантом православия; 10. Идея «имперской судьбы», идущая от Рима к Византии, производной которой является доктрина *Translatio Imperii* (Византия как «Новый Рим», Москва как «Третий Рим» и др.) в странах православно-византийской культуры. 11. Идея, согласно которой Империя воспринимается как бастион против Антихриста. 12. Идея политико-территориального единства⁵⁵.

⁵⁴ Бердяев Н. Самопознание. С.215.

⁵⁵ Vitale A. Saggio introduttivo // Thual F. Geopolitica dell'Ortodossia. Milano, 1995. P.12-13..

В начале XVI в. складывается одна из важнейших государственных доктрин российской государственности – «Москва – Третий Рим». Она имеет глубокие корни. Еще в раннем русском летописании, в «Слове о законе и благодати» Иллариона и других источниках Киевская Русь сравнивалась с Византийской империей. Захват турками Царьграда в 1453 г. формирует в русском обществе все более устойчивую концепцию о перемещении политического и духовного центра православных народов в Москву, что и привело к официальному утверждению государственной доктрины «Москва – Третий Рим».

В книге М. Громова и Н. Козлова «Русская философская мысль X – XVII вв.» описаны особенности становления этой доктрины. Во вступительной части «Изложения пасхалии» 1492 г. митрополита Зосимы проступает идея Москвы как «нового града Константина». Сравнение русских великих князей с римскими и византийскими монархами встречалось и ранее, однако здесь впервые Москва противопоставляется Константинополю, и звучит претензия о перемещении центра государственности и православной веры в Россию. Окончательно же сама концепция была сформулирована в посланиях монаха Филофея из Елеазарова монастыря вблизи Пскова. Его послания имели антиримскую направленность. Гибель Византии он объясняет отступничеством греков, пытавшихся вступить в унию с католиками ради спасения своего отечества от турецкой опасности. Так пали оба Рима, а их роль перешла к Московскому царству как оплоту православия.

К посланиям монаха Филофея примыкают ряд других. Например, в «Сказаниях о князьях Владимирских» содержатся две легенды, вошедшие в официальную идеологию Российского государства. В первой из них доказывается происхождение правящей династии Рюриковичей от римского императора Августа (отсюда в дальнейшем появление титула – «августейшие», во второй – передача цесарских (царских, императорских) регалий византийским императором Константином IX Мономахом своему внуку, правителю Руси, великому князю Владимиру II Мономаху. Коронованный в 1547 г. Иван Грозный был провозглашен первым русским царем, т.е. равным римским и византийским императорам⁵⁶.

Идея «Москва – Третий Рим» проявилась в архитектурном ансамбле Московского Кремля, который должен был показать избранность Московского государства. Москва застраивалась по модели идеального города в духе византийской градостроительной теории и практики.⁵⁷

Известный русский историк С.О. Шмидт не исключает, что начало русского абсолютизма можно датировать периодом правления Ивана Грозного, т.е. XVI веком. К этому же времени он относит зарождение «привилегированной бюрократии» с характерными для царизма самовластием чиновников и полиции и бесправием народа⁵⁸.

Статья первая первого раздела основных законов России гласила: «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не токмо за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». Центральной идеей самодержавия являлось «единение царя с народом и

⁵⁶ Громов М., Козлов Н.. Русская философская мысль X-XVII вв. М., 1990. С.162-170.

⁵⁷ Там же. С.170.

⁵⁸ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С.385.

народа с царем». Таким образом, становление российского централизованного государства происходило по схеме «имперского». В связи с этим важный интерес представляет проблема «национального» в русском государстве.

Обратимся к наиболее известному труду «Монархическая государственность» Льва Тихомирова (1852-1923), который считается одним из крупнейших идеологов русской национальной идеи. В молодости Л. Тихомиров принимал активное участие в революционном движении, являясь членом Исполнительного Комитета «Народной Воли», организовавшей убийство царя Александра II. Более четырех лет пробыл в заключении в Петропавловской крепости, затем помилован царем. В зрелые годы стал убежденным монархистом, автором многих научных трудов о государстве российском. В бытность Столыпина министром внутренних дел Тихомиров был назначен членом Совета Министерства внутренних дел.

Л. Тихомиров считал национальную политику одним из важнейших вопросов монархического государства. Духовное единство разных народов, входящих в империю, создается общностью культурных основ развития. Само по себе существование племенных особенностей не только не вредит единству государства, а даже служит полезным источником государственного творчества. Но необходимо, чтобы при этом была некоторая общая сила, сдерживающая центробежные тенденции. Исполнять такую роль должна *преобладающая нация*, способная давать тон общей государственной жизни, и дух которой мог бы выражаться в верховной власти.

Важнейшее условие единения разноплеменного государства составляет *сила власти* основного племени, его создавшего. Обеспечив *силу власти*, государственная политика должна быть направлена на развитие *культурного единения* всех народностей государства. Начало этому единению кладет *общение*, на котором должны вырастать *единомыслие* и *общность интересов*. В отношении средств общения первое место занимает *язык*, в разноплеменных государствах необходимо установление *государственного языка*. Общность государственного языка не включает в себе требования подавления языков местных, но даже, наоборот, дополняется их развитием.

К другим инструментами государственного единения Л. Тихомиров относил *общность веры, науку, совместный материальный труд*. Если высшие области истины объединяют умы и совести, создавая в многообразных народностях *единую душу*, то разумная экономическая организация нации вырабатывает в ней *единое тело*. В заключение Л. Тихомиров делает вывод о том, что «если разумная политика верховной власти твердо хранит силу нации, основавшей государство, то продолжительное существование, связанное общностью разумного управления, единением работы совести и разума, единением труда промышленного – естественно кончается слитием всех *народностей* государства в одну великую *нацию*».

Таким образом, по мнению Л. Тихомирова могущество империи связано с *духовным единством (единая душа)* и *совместным материальным трудом (единое тело)*, как нации основательницы, так и собранных ею около себя наций соотрудниц.

В области международных отношений проект Л. Тихомирова не исключал идеи *всемирного государства*, которой если когда и суждено осуществиться, то

только через осуществление *всемирной гегемонии* одного сильнейшего государства. Однако автор предостерегал об опасности такого движения, отдавая предпочтение соперничеству нескольких равноправных государств⁵⁹.

Л. Тихомиров критически встретил Манифест царя от 6 августа 1905 г., который был реакцией монархии на революционные выступления в России. Центральным пунктом Манифеста являлось создание Государственной Думы. Он полагал, что этот орган не противоречит идее самодержавия, поскольку его деятельность была ограничена законодательной инициативой и контролем за действиями исполнительной власти. Вместе с тем он подверг резкой критике саму систему выборов, в которой, преобладала общегражданская идея, которая неизбежно вводила систему парламентаризма. Л. Тихомиров считал, что сохранение державной власти, центральным звеном которой является единение царя и народа, допускает либо социально-сословную систему представительства, либо всенародные и прямые выборы. Введенный принцип имущественного представительства, по его мнению, являлся антинациональным, разрушающим основы российской государственности⁶⁰.

Итальянский исследователь Карло Мария Санторо справедливо полагает, что самоутверждение русской национальной идентичности происходило через экспансию имперского государства. Так и не консолидировавшись, русская национальная идентичность все время оставалась в подвешенном состоянии между определением «русский» (этнически) и «россиянин» (житель России). Если говорить о патриотической идентичности, то ее единственный смысл выражается через понятие «Родина», а не нация, поскольку оно основывается на территориальной, а не этнической общности. Таким образом, русский патриотизм является формой гражданско-территориального, а не этнического национализма⁶¹.

В национальном вопросе большевики исходили из механистического представления о том, что интернационализация капитала неминуемо ведет к утрате актуальности вопроса о национальной государственности. «...Выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны, причем они возрастают с ростом капитализма»⁶². «Самоопределение наций есть истасканный лозунг миновавшей эпохи буржуазно-демократических революций и движений», — записал Ленин⁶³.

Выдвигая лозунг «право наций на самоопределение», они рассматривали его как возможный, но кратковременный этап на пути к «позднейшему слиянию наций». В.И. Ленин писал в начале 1916 г.: «К слиянию наций ведет только освобождение угнетенных наций, подлинное искоренение национального угнетения, и критерий этой действительности в политическом смысле заключается как раз в свободе отделения. Свобода отделения — лучшее и единственное *политическое* средство против идиотской системы мелких государств и национальной обособленности, которая, к счастью человечества, неудержимо разрушается всем развитием капитализма». В любом случае

⁵⁹ Тихомиров Л. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 646–652.

⁶⁰ Там же. С. 669–674.

⁶¹ Santoro C.M.. La politica estera e strategia della Russia // Affari Esteri. 1994. Aprile.

⁶² Ленин В.И.. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 255.

⁶³ Там же. С. 441.

борьба за национальное самоопределение тесно увязывалась с «революционной массовой борьбой за свержение буржуазии и за осуществление социализма». На первый план выдвигались «интересы классовой борьбы рабочих при всяких возможных *изменениях* государственных границ», «не интересы наций, а интересы братства, солидарности *рабочих* разных наций»⁶⁴.

Выступая с докладом «О проекте Конституции Союза ССР» 25 ноября 1936 г. И. Сталин отметил, что создано *многонациональное* государство с *национальной по форме* культурой народов СССР и *социалистической по содержанию*, в котором сложилось *братское сотрудничество народов* в системе единого союзного государства⁶⁵.

Вторая мировая война внесла существенный акцент в национальную политику сталинского режима, когда был использован понятийный аппарат и концепции, восходящие к великодержавной российской империи. В своем первом выступлении в связи с нападением нацистской Германии Сталин обратился к народу не с традиционным приветствием «Товарищи!», а «Братья и сестры!» Патриотические лозунги ассоциировались с понятием «Родина-мать». Впервые в советский период был поставлен вопрос о «старшем брате», «руководящей силе русского народа». Реанимация панславянской концепции также относилась к заключительному этапу второй мировой войны.

В послевоенный период создание советского блока проходило под знаком развития «братства социалистических народов», реализации «принципов социалистического реализма». Логическим итогом советской национальной политики стало декларирование полного слияния различных наций в бесполоую вне национальную общность – *единый советский народ*.

Такова была формальная, официальная сторона советской национальной политики, которая утверждала о полной гармонии национальных отношений.

Как только «перестройка» ослабила репрессивный механизм, национальные проблемы начали сотрясать огромную страну. Перечислим лишь некоторые из них: события 1986-1988 гг. в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Якутии, Алма-Ате, Душанбе, Фергане, Молдавии, не говоря уже о Прибалтике. Партийное руководство оказалось в растерянности. В феврале 1986 г. на XXVII съезде КПСС М.С. Горбачев об «успешной решенности национального вопроса в Советском Союзе», в сентябре 1987 г. партийный орган «Коммунист» квалифицировал национальные выступления как «экстремистские». В феврале 1988 г. на Пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев уже говорил о «росте национального самосознания у всех наций и народностей страны, о проявлениях национальных чувств». Один из протагонистов того времени бывший глава правительства Н.С. Рыжков винит М.С. Горбачева в «запаздывании» с принятием решений по национальным вопросам⁶⁶. Оставим за рамками данной публикации факты насильственной национальной политики, переселение и геноцид в отношении отдельных «враждебных народов».

⁶⁴ Там же. С.266, 441.

⁶⁵ Сталин И. Вопросы ленинизма. С.513-514.

⁶⁶ Рыжков Н. Перестройка: история предательств. М., 1992. С. 198-224.

Известно, что во все без исключения советские республики на вторые по должности посты назначались русские, специально для того, чтобы не допускать проявлений местничества и национализма на местах. Введенная в паспорт графа национальности определяла национальную принадлежность не по самосознанию, а «по крови», по биологической принадлежности того или иного родителя. Многочисленные примеры ассимиляции нерусских народов, особенно доставалось близким славянским народам, самобытный язык которых зачастую считался «испорченным русским».

Тем не менее, можно согласиться с утверждением Г. Старовойтовой в том, что концепция новой исторической общности – советского народа – «на самом деле служила прикрытием ассимиляторской политики, ведущей к уничтожению культурной самобытности всех народов страны, включая русский народ»⁶⁷. Имперская по форме национальная политика коммунистов имела существенные отличия от той, что осуществлялась в дооктябрьский период: во-первых, идеологической основой являлась универсальная интернационалистская идеология, объединяющий потенциал которой был исчерпан в короткий срок. СССР создавался не как национальный, а интернациональный союз пролетарских государств, который должен был превратиться в Мировую Социалистическую Советскую Республику; во-вторых, в советский период искусственно сдерживался процесс вызревания русского национального архетипа, который не мог быть «объединяющей нацией» и не стал ею. В итоге русские более других народов интернационализированы и деэтнизированы.

По своей сути эта политика больше напоминала американский вариант «плавильного тигля», в котором должно было выплавиться новое межэтническое единство. Однако исходные исторические, религиозные и культурные традиции, политические и экономические процессы в США и СССР были несопоставимыми. Экономическая неэффективность советского строя взорвала изнутри «плавильный тигель», выплеснув наружу локальные национальные миры.

Судьба коммунистических идей в России. Внутренняя противоречивость идеологии КПСС обусловила, по существу, две противоположные тенденции в исходе из КПСС: социал-демократическую в ее современной европейской интерпретации (концепция "нового мышления" М. Горбачева) и интуитивно-традиционалистскую (компартия РСФСР И. Полоскова), затем обоснованную Г. Зюгановым в духе национал-патриотических идей. Как это не покажется парадоксальным обе тенденции достаточно органично вытекали из теории и практики КПСС.

Связь первой с европейской социал-демократией шла по формальной линии европейского происхождения марксизма, однако с времен разрыва большевиков со II Интернационалом и особенно после образования Коммунистического Интернационала отношения между ними подчеркнуто дистанцировались. Антизападное направление в деятельности КПСС всегда занимало ведущее место, даже в период антигитлеровской коалиции. Попытки влиятельного члена Политбюро А.Н. Яковлева и некоторых помощников М.С. Горбачева, среди которых выделялся А.С. Черняев, повернуть «генеральную линию партии» на тео-

⁶⁷ Старовойтова Г. Государство, общество, нация // Через тернии. М., 1990. С. 362.

ретические позиции международной социал-демократии были заранее обречены на неудачу. В своем историческом движении российское, а затем советское общество были весьма далеки от социал-демократических моделей общественного развития. Национал-патриотическая тенденция была ближе к практической деятельности КПСС, но все же означала определенный разрыв с атеистической, по форме европейской марксистской идеологией.

Временное запрещение Коммунистической партии после путча 1991 г. было использовано для смены идеологии. Она восстановила свою деятельность как партия, взявшая на вооружение традиционалистскую национал-социалистическую фразеологию.

Обратимся к анализу одного из документов Коммунистической партии Российской Федерации, опубликованному в канун политических выборов 1995г. «государственно-патриотическим объединением "Духовное наследие"» под редакцией лидера коммунистов Г. Зюганова. Документ опубликован в специальном выпуске «Современная Русская Идея и Государство». Выделим его наиболее важные тезисы:

- *обладание устойчивым чувством патриотизма и государственности, а в целом державности;*
- *приверженность к соблюдению социальной справедливости;*
- *православие - как основа мировоззрения при сверхтерпимости по отношению к любым религиям и конфессиям, существующим на территории государства;*
- *приоритеты духовных ценностей над материальными, отрицание в основном меркантилизма и вещизма;*
- *элементы соборности, представительства различных слоев общества в институте власти;*
- *элементы общинности, коллективизма;*
- *необходимость «сверхидеи» как катализатора самосознания и патриотизма;*
- *склонность к авторитаризму, сильному лидеру («царю-батюшке», президенту, диктатору);*
- *необходимость конкретной цели и плана деятельности на относительно большой срок;*
- *всечеловечность, человеколюбие как свойство русского характера; лидерство, мессианство в духовной и культурной областях.*

Г. Зюганов считает, что «время серьезного перераспределения геополитического баланса сил и смены культурно-мировоззренческого вектора эпохи уже не за горами». «Исторический процесс и есть в значительной мере процесс взаимодействия, соперничества и смены на земле таких цивилизаций... Поступательное движение истории носит вместе с тем явно выраженный циклически-волнообразный спиралевидный характер». Циклы, накладываясь и пересекаясь друг с другом, образуют временами «узлы» решающего значения, переломные точки гигантской важности, для объяснения которых созданы такие теории, как например, теория «пассионарных толчков» Л.Гумилева или «осевого времени» К.Ясперса.

Здесь, прежде всего, бросается в глаза явный отказ от принципов исторического материализма в оценке социально-исторических процессов. Возможно, это и имелось в виду, когда Г. Зюганов утверждал о «смене культурно-мировоззренческого вектора эпохи». Итак, автор отказывается от марксистской концепции единства всемирно-исторического процесса, делая акцент на различии цивилизационных путей развития. «Три первых столетия новой эры стали эпохой становления и государственного оформления мировой христианской цивилизации. Ее державной основой становится мировая империя Рима, национальной базой – полиэтническая общность, унаследованная от греко-римской эллинистической культуры, фундаментом общественных форм самоорганизации – соборность, т.е. коллективизм, опирающийся на мощную духовную традицию, в которой категории выгоды и пользы занимают подчиненное положение по отношению к религиозно-нравственным идеалам и нормам общественной морали», – утверждает Г. Зюганов. Окончательное становление классических форм христианской цивилизации он относит к V-VIII векам.

Представляется важным обратить внимание на представление Г. Зюганова об основных принципах сложившейся христианской цивилизации. «В царствование императора Юстиниана получает свое правовое воплощение теория “симфонии властей”, прочно увязывающая мировоззренческие основы народного общежития с его государственными, державными принципами. Вселенские соборы в ходе многовековой борьбы с терзавшими Византию ересями формулируют целостное и универсальное вероучение – догматически выверенное и философски отшлифованное, предлагающее непротиворечивые и внятные ответы для своего времени равно на потребности общественного и семейного устройства, личного духовного совершенствования и государственной идеологии».

Последовавшая территориальная экспансия христианской цивилизации становится доминантой исторического развития. На рубеже IX – XI вв., по мнению Г. Зюганова, различия между юго-западноевропейской и восточной частями христианского мира достигли такого различия, что между ними произошел «открытый мировоззренческий конфликт (Великая Схизма)». Г. Зюганов считает, что в основе раскола находились не столько богословские различия, сколько произошедшие на Западе «общественные изменения», которые в какой-то момент превысили критически допустимый уровень и разорвали его связь с исходными культурно-религиозными традициями.

Именно Западная часть отошла, а затем и полностью порвала с фундаментальными христианскими традициями, оформившись в «самостоятельную государственную, историческую, геополитическую и этнокультурную общность, известную сегодня под общим наименованием Западный мир». 1054 г., год раскола между православием и католицизмом, Г. Зюганов рассматривает в качестве «даты исторического рождения современного Запада».

К началу второго тысячелетия, утверждает Г. Зюганов, правомерно говорить, что «судьбы мира решались во взаимодействии между тремя цивилизациями: православной (византийско-славянской), западно-европейской и мусульманской». Другие цивилизации, будучи системами самозамкнутыми, не оказывали значительного влияния на главный вектор мирового исторического разви-

тия. По мнению Г. Зюганова, молодая Западная цивилизация сразу обнаружила свой специфический нрав: ориентированность идеальных, религиозных целей на материальный и политический интерес, воинствующий эгоцентризм. А в XII-XIII вв. агрессия была перенацелена против православной цивилизации.

Эпохе *Возрождения* (XIV-XVI вв.) он отводит особое место в формировании Западной цивилизации: в мировоззренческой и религиозной областях ускорение процессов секуляризации общественной жизни и торжество механически трактуемого рационализма в качестве главного инструмента познания окружающего мира. «Идеальные», возвышенные мотивы жертвенности, служения и долга теряют свое определяющее для практической жизнедеятельности значение, уступая место категориям «пользы», «целесообразности», «выгоды» и им подобным. Соборность уступает место безграничному индивидуализму; «симфония властей», давно подорванная соперничеством Ватикана со светскими государями, навсегда исчезает с европейской политической сцены.

Культурная вспышка Возрождения была навеяна скорее последними отблесками старой эры: поиском утраченных святынь, подвигал человека к творчеству высочайшего накала; в сухой и бесплодной атмосфере «нового времени» легко и свободно дышалось только коммерсантам и схоластам - для подвижников и художников она казалась губительной и непригодной.

В хозяйственной практике эпоха Возрождения заложила основы всей современной системы финансово-экономических отношений: разделение труда, появление первых мануфактур, начало формирования капитализма как системы. С этого момента в западной цивилизации начинает набирать вес тип производительных сил и производственных отношений, исследованный три столетия спустя с беспощадной ясностью и точностью К. Марксом и В. Лениным.

В геополитической области происходит активное становление тех реальностей, которые во многом вплоть до сего дня определяют мировой баланс сил. Открытие Нового Света дало толчок форсированному становлению и обостренному соперничеству колониальных держав, опирающихся на контроль над морскими пространствами в своей экономической и территориальной экспансии. С другой стороны, свержение татаро-монгольского ига, объединение Руси в мощное централизованное Московское Царство и завоевание Ермаком Сибири знаменует появление на евразийском материке противоположного и влиятельного «центра тяжести».

Эпоха *Реформации*, по мнению Г. Зюганова, усилила дальнейшее дистанцирование Западной Европы от традиционных христианских ценностей. «В мировоззренческом и религиозном плане она (капиталистическая общественно-экономическая формация) примечательна прежде всего расколом католической церкви, ставшей для стремительно “модернизирующегося” общества уже слишком “консервативной”, и появлением протестантизма, впервые сделавшего попытку теологически обосновать идеологию меркантилистского индивидуализма».

В период эпохи *Великих географических открытий*, Г. Зюганов противопоставляет два разных пути географической экспансии: с одной стороны «невыносимые страдания миллионов “дикарей”», а с другой стороны «разительным контрастом выглядит характер развития православной (славянской) цивилизации, вступившей примерно в этот же период, в лице России, в стадию своего ак-

тивного территориального расширения». «...Под защитой русской государственности за четыре столетия, прошедших с той поры, не исчез и не потерял своей самобытной культуры ни один – пусть самый малый – народ. Это со всей очевидностью свидетельствует о несхожести “русского пути колонизации” с западным стремлением во что бы то ни стало “цивилизовать” все и вся на свой манер».

Сопоставим с известным Марксовым утверждением «революции – локомотивы истории» точку зрения лидера российских коммунистов относительно роли революционных процессов в Европе нового времени.

По мнению Г. Зюганова, напротив, развитие основных тенденций эпохи Просвещения «подготовило всесторонний экономический, политический и моральный кризис Европы, давший начало революционным процессам и закономерно завершившийся Великой Французской революцией». «Европейский континент вступает в полосу общественных катастроф, в огне которой догорают последние остатки старой “традиционной” Европы».

Критически оценивая «утверждение рационализма и индивидуализма в качестве ценностей западной жизни», «мнимую универсальность» мировоззренческого позитивизма, Г. Зюганов не делает даже ритуальной ссылки на марксизм, возникновение которого напрямую связано с развитием европейской рационалистической мысли. Более того, вопреки Ленинскому определению «Россия – тюрьма народов», Г. Зюганов, в оценке народно-демократического освободительного движения в России утверждает, что «славянская цивилизация в лице Российской Империи» стала в XIX в. «последним противовесом западному гегемонизму», «на мировоззрение, культуру и идеологию» которого «все более ошутимое воздействие начинает оказывать иудейское рассеяние, влияние которого неизмеримо возрастает буквально не по дням, а по часам».

Г. Зюганов намекает на то, что взятие власти большевиками было спровоцировано «третьей, антирусской силой»: «Казалось, что русская революция 1917 г. может оправдать надежды Запада на избавление от своего главного геополитического конкурента, но они оказались тщетными».

В этом месте выводов Г. Зюганова хотелось бы обратить внимание на отказ от определения «Великая Октябрьская Социалистическая революция», на отсутствие традиционной ссылки советских марксистов на ее мессианскую роль в углублении кризиса капитализма и ускорении перехода к новой, более передовой формации. В ином ключе, чем это делали советские марксисты, он трактует и предпосылки революции, которые, по его мнению, «зрели давно и последовательно, являясь в равной мере следствием ошибок русского правительства во внутренней политике и внешнего, разлагающего влияния западной цивилизации». «Революция не разрушила, а напротив, обновила и укрепила российскую государственность, очистив ее от изживших себя феодально-буржуазных реформ».

Вопреки ранее распространенному мнению среди советских марксистов о том, что советский народ в течение нескольких десятилетий строил социалистическое общество Г. Зюганов утверждает, что, «отбросив форму (социалистическую? – В.М.), Советская власть вместе с тем довольно быстро унаследовала у исторической России как нравственные идеалы, так и ее державный опыт в постройке мощного государства». Этот процесс усиливается после второй мировой войны – «возвращения России на путь своего исторически преемственного развития».

Таким образом, «холодная война» являлась не противоборством различных социальных систем, как ранее утверждали коммунисты, а глобальным противостоянием двух цивилизаций (сверхдержав) за мировое господство, одной из которых являлся СССР «как геополитический наследник России».

Завершает картину смены мировоззренческой парадигмы большой раздел, посвященный обоснованию «цивилизационных разломов».

Таким образом, руководство одной из наиболее влиятельных современных коммунистических партий осуществило резкую смену идеологической парадигмы, отвергнув марксизм с его концепцией неуклонного прогресса общечеловеческого универсума к общей для всей цивилизации цели. Примат классовой борьбы как средства движения к бесклассовому общечеловеческому счастью сменился концепцией державного общенационального союза в глобальной борьбе между цивилизациями за выживание на геополитическом пространстве. «Сегодня марксизм как теория отвергнут, нам необходимо выработать самим определенную философскую позицию», – утверждает все в том же издании «Современная Русская Идея и Государство». Место марксизма-ленинизма-сталинизма вполне очевидно заняла доктрина традиционалистского типа – *Русская Идея*, близкая по своей сути к русской *имперской* и *евразийской* теориям.

Имперская традиция проявляет себя зримо и ощутимо в современной российской политике. Восстановлены многие атрибуты имперской власти – Орел, Скипетр, Держава.

Проблема территориальной целостности России рассматривается государственной властью на теоретическом уровне и проявляет себя в практических действиях как исключительно имперская идея. Неслучайно начало ввода российских войск в Чечню совпадает по времени с пиком геополитических исследований под руководством одного из архитекторов чеченской войны тогдашнего вице-премьера С. Шахрая.

Хотя Конституция Российской Федерации запрещает установление единой государственной идеологии, по поручению российского президента (Б.Н. Ельцина) создана исследовательская группа для разработки концепции государственной идеологии. Судя по появляющейся информации исследовательская группа пытается создать умеренно державную концепцию, которая учитывала бы специфику исторического развития российского авторитарного государства, вместе с тем не слишком дистанцировалась от образцов европейских демократий.

Основанием для утверждения умеренно государственной линии является поддержка самого президента Ельцина и умеренная позиция патриарха Русской церкви Алексия II, который прошел школу веротерпимости, возглавляя православный епископат в Таллинне (Эстония).

Однако не менее сильные позиции в российском обществе имеют сторонники жесткой линии в отношении утверждения идеологии традиционалистского типа как со стороны политических партий, прежде всего коммунистов, так и в значительной части православного клира.

Русский традиционализм. О традиционалистах лучше всего сказать словами самих традиционалистов. Поэтому обратимся к самоидентификации традиционалистского движения в работах одного из наиболее заметных в современной России теоретиков Александра Дугина. Он возглавляет журнал «Эле-

менты. Евразийское Обозрение», Историко-религиозную ассоциацию «Арктогея», осуществившую издание работ самого Дугина «Пути Абсолюта», «Консервативная революция», «Гиперборейская теория», «Мистерии Евразии», «Конспирология», труды Ю. Эвола, Р. Генона, Г. Майринка, Г. Джемала, К. Мутти.

А. Дугин: «Самая большая двусмысленность заключается, пожалуй, в использовании категории “правые”... С точки зрения Интегрального Традиционализма, единственной адекватной позицией при применении принципов Сакральной Традиции к современной политической реальности в нормальном случае является позиция, которую часто называют “крайне правой”. Это легко понять. – Интегральный Традиционализм считает, что истинные социальные пропорции наличествуют лишь в сакральной цивилизации, основанной на принципах духовной иерархии, на главенстве жреческого, религиозного начала над всеми сторонами жизни и на концентрации светской власти в руках единого Властелина, получившего на то религиозную санкцию от духовных религиозных институтов. Кроме того, нормальной, по мнению традиционалистов, является только та цивилизация, которая основана на примате Качества над количеством, Идеи над эгоистическими интересами, Духа над материей. Но социальная история движется в прямо противоположном от этого идеала направлении – от теократии к светскости, от монархизма к эгалитаризму, от духовной и имперостроительной дисциплины к апологетике комфорта и индивидуального благополучия. “Крайне правыми” на политическом уровне принято называть тех, кто противится такому ходу социальной истории, стремясь сохранить, а если надо, то и восстановить, сакральные пропорции, иерархию, духовный строй вопреки силам “субверсии” и “деградации”. Но с другой стороны, процесс социального упадка в наше время зашел так далеко, что нормы подлинно сакральной цивилизации практически совершенно скрылись из виду, растворились в далеком прошлом, отделенном от нас, от актуального человечества стеной непонимания, забвения, безразличия. Исторически достигаемыми остались только те формы, которые сами в себе несут либо тлен и разложение, либо бациллы нигилистического модернизма. Поэтому часто “крайне правое” на политическом уровне является слишком “левым” для подлинного традиционалиста, так как весь спектр политических позиций безвозвратно смещается в сторону, противоположную сакральным нормам. В какой-то момент “консерватизм” вообще перестает коррелироваться с подлинным традиционализмом, теряет связь с сакральным и превращается в безобидный придаток антитрадиционной политико-идеологической системы. В такие периоды Интегральный Традиционализм однозначно смыкается с Революцией, со всеми теми политическими силами, которые противостоят (неважно, по каким соображениям) ветхой и противоестественной системе. Таким образом, традиционалисты от “крайне правой” позиции могут перейти к “крайне левому”, революционному, и даже “социалистическому” и “коммунистическому” крылу, оставаясь при этом предельно последовательными и логичными в своих поступках. “Революции, говорил Мюллер ван ден Брук, надо не подавлять, а использовать и возглавлять”... Несмотря на откровенно анти-традиционную направленность марксистских, “коммунистических” идей, при столкновении с либерально-капиталистической идеологией и с особенно с ее высшей формой – мондиализмом – даже “коммунизм” обнаруживает свои пози-

тивные, а значит, “традиционалистские” черты, как бы парадоксально и неожиданно это ни казалось на первый взгляд⁶⁸

В книге «Консервативная революция» А.Дугин дает следующие определения традиционалистской идеологии: как «Третий путь», «Консервативная Революция», «Третья Позиция».

В контексте осуществляемого нами сопоставления идеологий, в т.ч. их происхождения и взглядов на исторический процесс, рассмотрим предысторию возникновения Третьей позиции в том виде, как ее изображает А. Дугин. По его мнению, современная концепция Консервативной революции стала складываться после Французской революции. В отличие от обычных правых «консервативные революционеры» не отрицали глубинного кризиса в политическом и социальном пути Европы, не утверждали безусловной ценности дореволюционного порядка, как это делали правые силы. Вопреки этим правым силам, которые рассматривали кризис как продукт внешнего воздействия (шедшего от антихристианских, антимонархических и антиевропейских сил, собирательно квалифицируемых как «масонство» или «пара-масонство»), «консервативные революционеры», как и левые, были неудовлетворенны дореволюционными порядками, монархическими моделями власти. Как и левые они выступали против капиталистического централизма, против буржуазного строя, были близки к левым в их критике социального, экономического и культурного положения. Но если левые предлагали преодолеть кризис на путях радикализации тезисов Свободы, Равенства и Братства, то «консервативные революционеры» настаивают на прямо противоположном подходе.

Эти темы начинают просматриваться у самых радикальных консерваторов послереволюционного периода в XVIII в., у таких как Жозеф де Местр, Луи Бональд, Доносо Кортес. Показательно, что все они, прежде чем прийти к тотальному отрицанию левых идей, прошли через периоды увлечения ими.

По мнению А.Дугина, «почти всегда тематика Консервативной Революции определенным образом связана с Россией, которая неизменно остается неким вдохновляющим символом для сторонников Третьего Пути, неким геополитическим и историческим ориентиром». В качестве примера он ссылается на то, что сам термин «Революционный Консерватизм» впервые был употреблен Ю. Самариным в 1875 г. Такое определение использовал Ф.Достоевский, почти все русские славянофилы вписывали свою позицию в концепцию Третьего Пути. Только под влиянием Французской революции интеллектуальная реакция против петровских реформ в России приобрела оформленный концептуальный характер в виде альтернативы особого российского пути. Даже теоретические взгляды апологета Консервативной Революции Жозефа де Местра были существенно откорректированы под влиянием его пребывания в России.

Из других народов, считает А.Дугин, наиболее расположенными к концепции Третьего Пути оказались немцы в силу схожего с российским национальным архетипом немецкой души и геополитической позицией немцев. Начиная с Фихте, Гердера, Арндта, Яна, немецких романтиков, Ницше в Германии была разработана обширная теоретическая база Третьего Пути и обоснованы важнейшие принципы Консервативной Революции. Он полагает,

⁶⁸ Дугин А. Консервативная революция. М., 1994.

что в России и Германии консервативно-революционные течения не только развивались параллельно, но между ними существовала тесная духовная и интеллектуальная взаимосвязь. Германия в большей степени являлась антиатлантическим, антизападным государством, чем европейским.

По мнению Дугина, полноценное развитие Консервативная Революция получила в XX в., когда идеи Третьего Пути из сферы философско-публицистической стали переходить на уровень социальных движений, политических партий, экономических трансформаций и восстания масс. Для исследователей идеологий XX век представляет собой крайне непростую загадку, как и почему в одно мгновение правое становится левым, а левое правым, почему противоположности совпадают и подчас самым парадоксальным образом. Чтобы разобраться в этих вопросах, Дугин предлагает выделить в качестве идеологических архетипов не два полюса – левые и правые, а три: левые, правые и Третий Путь. При этом Третий Путь не рассматривать как простое эклектическое смешение элементов левой и правой идеологий, а рассматривать как совершенно самостоятельное мировоззрение, которое также глубоко коренится в социальных, экономических, психологических и даже психических глубинах человеческого общества, как другие мировоззрения. Третий Путь может быть одновременно разрушительным и конструктивным, парламентским и тоталитарным, элитарным и массовым, демократическим и антидемократическим.

В нашем столетии, считает Дугин, идеи «консервативной революции» встречаются у русских народников, эсеров, сменовеховцев, большевиков, современных неосталинистов. Итальянский фашизм в его ранней стадии и затем в годы Итальянской Социальной Республики почти целиком основывался на принципах Консервативной Революции. Но наиболее полным и тотальным воплощением Третьего пути был германский национал-социализм. В самом словосочетании «национал-социализм» Дугин видит явно «консервативно-революционный» характер движения, акцент на концепции Третьего Пути. В других регионах эта концепция проявила себя в различных формах «исламского социализма» в арабских странах, в Исламской революции в Иране, в некоторых странах Третьего мира, в некоторых аспектах государства Израиль. В целом Третий Путь нельзя отождествлять с одной из вышеперечисленных моделей. Речь идет скорее «о вариациях единого идеологического прообраза, единой протоидеологии, которая стоит за всеми ними и проявляется в той или иной конкретной форме в зависимости от расовой, религиозной, исторической, национальной, географической или культурной специфики»⁶⁹

Подведем итоги. Симптоматично, что уходящие XX в. и II тысячелетие провокационно обострили самую человеческую дилемму сознательного человечества: соотношение «Я» и «Мы», т.е. личностного, индивидуального, с одной стороны, и коллективного, с другой. Историческое взаимодействие между ними всегда было подчинено выявлению одной экзистенциальной цели – смысла человеческого существования.

В этой связи вновь хотелось бы напомнить слова М.М. Бахтина о том, что не может быть единого (одного) смысла, он звено в смысловой цепи,

⁶⁹ Дугин А. Консервативная революция.

которая растет бесконечно. Исходя только из этого, трудно представить себе формулирование одной универсальной ценностной установки для всего человечества и тем более единственного метода ее достижения.

Существуют, как минимум, три пути обретения и сохранения человеком своей сущности: путь долга, путь мысли (или познания) и путь любви⁷⁰. Но как связать их вместе, в одной смысловой цепи? Как отделить их стерильно от человеческих пороков? Как предвидеть последствия преобразующей деятельности человека?

Реальная история - это неизбежное проявление и выход наружу *всего*, что есть в человеке. Соединение любой, внешне самой гуманистической идеологии с политикой влечет за собой на пути ее реализации насилие одних по отношению к другим .

Коммунистическая идея, как разновидность коллективистской, отразила в себе чаяния угнетенных индивидуальных миров к лучшему будущему. С Гегеля идет представление о человеке как продукте конкретной исторической и социальной среды и о возможности ее преобразования через овладение наукой и техникой. В представлении Гегеля это движение имело линейную направленность и предполагало некую конечность своего движения, когда побеждает окончательная, разумная форма общества и государства. Карл Маркс и поздние марксисты называли такой кульминационной точкой *коммунизм*. В оценке иерархии взаимоотношений между реальным и идеальным марксисты жестко детерминировали сферу сознания состоянием «надстройки». Формы или условия производства являются базисными детерминантами социальных структур, которые в свою очередь определяют оценки людей, их поведение, типы цивилизаций.

Впервые в человеческой истории самоуверенный человеческий разум попытался претворить в жизнь умозрительную концепцию, нарушив библейское представление о самостоятельности духовного и материального. В Евангелии от Иоанна (гл. 3, 6) сказано: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух».

Российское общество заплатило непомерную *цену* за самонадеянность социальных инженеров, но оно должно понять и собственную историческую вину. Это естественная расплата общества за недостаточную развитость, нежелание учиться у других, высокомерие, иждивенчество, бескультурье. Сегодня проявляется великий соблазн уйти от разговора на эту тему ссылаясь на историческое своеобразие, поискать «внешнего врага».

Путь возвращения к самим себе, к своей самобытности не будет усыпан розами. «Русская мысль виновата перед Россией: не снабдила ее самопознанием – не самосознанием, которое понимается как самочувствие (это-то есть, хоть отбавляй – национальной гордости, или великого призвания, или наоборот самоуничижения, что паче гордости), но именно Сократовым “познай самого себя”», – пишет Георгий Гачев⁷¹. Другой современный русский философ Евгений Барабанов весьма критически оценил возможность отечественной общественной мысли к извлечению уроков из прошлого. На смену

⁷⁰ Сенокосов Ю. Почему Декарт? // Встреча с Декартом. М., 1996.

⁷¹ Гачев Г. Национальный мир и национальный ум // Путь. 1994. Вып. 6. С.133.

«партийности философии как критерия ее научности» пришли «русская идея», «соборность», «русский космизм» и «национально-религиозное возрождение» – элементы будто бы новой «мировоззренческой революции». Никаких следов самосознания, удивления, попыток осмыслить себя в ситуации разрыва, фантомности, поражения, отравленности, вины. Опять – никакого интереса, никакой воли к философскому прояснению самой ситуации «здесь-и-сейчас»⁷².

По моему разумению, и не утратили своей значимости слова Фихте, которые можно сформулировать как главную философскую задачу современности: «Понимать само себя может лишь свободное сознание»⁷³. Самонадеянный ум не есть чисто русское явление. Когда пала «берлинская стена» многим на Западе казалось, что человечество вступает в фазу всеобщего универсализма. Популярный в конце 80-х гг. американский политолог Фрэнсис Фукуяма считал, что политический крах коммунизма и фашизма произошли потому, что «сама идея потерпела неудачу». А вслед за этим пришла «победа общечеловеческого государства», «политический либерализм идет вслед за либерализмом экономическим».

Итак, всепобеждающий либерализм устремляется к своему конечному триумфу?⁷⁴ Однако уже слышится голос тревоги философа Р. Дарендорфа в связи с последствиями «глобализации» общечеловеческой деятельности, вовлечением в орбиту «либеральной цивилизации» стран Второго, экс-коммунистического мира, и развивающегося Третьего мира. В связи с этим процессом Дарендорф выражает опасение относительно совместимости «глобализации» с сохранением чистоты либерал-демократических идеалов, прежде всего идеалов свободы и демократических институтов. «Глобализация» привела к возникновению на мировых пространствах нового влиятельного среднего класса, массового, анонимного, лишенного корней и постоянного места работы. Происходит разрушение классового сознания пролетариата и буржуазии, рынок перестает быть ценным механизмом регулирования экономической эффективности, превращаясь во властный инструмент борьбы за исключительность. Такова цена, которую может заплатить Западная цивилизация за свой исторический динамизм в асорбировании «других» миров⁷⁵.

Уходящий XX в. не дал категорического ответа на вопрос об исторических судьбах политических идей. А значит и преждевременно говорить о победе идеологии общечеловеческого универсума. И на пороге Третьего тысячелетия человечество демонстрирует свое «единство в многообразии».

Послесловие.

Статья была написана в 1995 г. и послужила основой доклада⁷⁶ на состоявшейся 17 декабря 1996 г. международной конференции в Милане «Современность и кризис идеологий в европейском контексте», посвященной 100-летию философа и идеолога корпоративизма Уго Спирито. В конферен-

⁷² Барабанов Е. Философия снизу. // Путь. 1994. Вып. 6. С.6-7.

⁷³ Цит. по: С.Н. Булгаков. Соч. В 2-х тт. Т.1. С.209.

⁷⁴ Фукуяма. Конец истории?// Вопросы философии. 1990. № 3. С. 139-140.

⁷⁵ Dahrendorf R. Quadrare il cerchio. Roma; Bari, 1995. P. 3-15.

⁷⁶ Mikhailenko V. Ugo Spirito e il destino dell'idea comunista nel XX secolo // Democrazia, nazione e crisi delle ideologie. Milano, 1999. P. 233-271.

ции приняли участие Франсуа Фюре, Эрнст Нольте, Эммануэле Северино и другие известные исследователи политических идей и идеологий.

В ходе конференции возник спор между автором этих строк и Франсуа Фюре о судьбе коммунистической идеи в России. Напомню, что его самая известная книга – «Прошлое одной иллюзии» – вышла в 1995 г. и быстро стала бестселлером. Она переведена на многие языки, в т.ч. на русский⁷⁷. Франсуа Фюре, как и автор этих строк, в равной мере испытали искушение коммунистической иллюзией: оба были членами коммунистических партий. Франсуа Фюре состоял в ФКП, затем разочаровался в коммунистических идеалах и стал последовательным критиком тоталитарных идеологий и политики. Суть спора с Фюре кратко можно свести к оценке перспектив коммунистических идеологий в XXI веке. Французский историк говорит об «абсолютном поражении» коммунистической идеологии. Возражая ему, автор этих строк указывал на то, что распад советского блока и внутренний крах СССР не решили проблему привлекательности коллективистских идей, одной из разновидностей которых является коммунистическая идея. На постсоветском пространстве, где светская демократическая реформация никак не затронула сознание миллионов людей, всегда будет для них существовать питательная база. Пока не произойдет преодоления прошлого в сознании людей коммунистические идеи в прямых или мимикрированных формах будут влиять на политические процессы в России.

Франсуа Фюре, комментируя коммунистический период истории России, пишет: «Западное общественное мнение не могло проникнуть в трагический смысл надежды, питавшей советских людей. У западных европейцев не было опыта жизни в СССР»⁷⁸. Но то же самое можно сказать о современной российской истории.

В период демократической эйфории середины 1990-х гг. автор этих строк, как историк, отмечал узость демократической базы российского общества, силу архаичных стереотипов, идейную беспомощность политической и особенно властной элиты. В кратчайшие сроки Россия проскочила этапы «дикого», «олигархического», «бюрократического» капитализма, даже не приблизившись к «либерально-демократическому», и застыла сегодня в выборе форм «авторитарно-репрессивного» капитализма. Как показывает исторический опыт, последний нуждается в идеологическом механизме управления и контроля над обществом и обращается, прежде всего, к арсеналу тоталитарных идеологий коммунистического или корпоративного типа. То, что в современной России предлагается в качестве «консервативной» или «традиционалистской» идеологии для президента, на самом деле было испытано европейскими политическими режимами в XX веке. Исследователя, анализирующего российскую действительность, не покидает ощущение того, что духовное и материальное никак не могут встретиться на огромных российских просторах, обрекая страну на модернизационные скачки ценой больших людских утрат.

⁷⁷ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998

⁷⁸ Там же. С. 382.